

ИГОРЬ САМОЙЛОВ

СЕРИЯ
«ПРОЕКТ
2050»

ВРАТА: НЕБЕСНЫЕ

АРХИВЫ ЛОГРИ

Серия «ВОЙНА МИРОВ» премии-медали им. Герберта Уэллса
и конвент «РосКон» представляют автора

Война миров. Проект 2050

Игорь Самойлов

**Врата небесные.
Архивы Логри. Том I**

«ИП Березина Г.Н.»

2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Самойлов И. В.

Врата небесные. Архивы Логри. Том I / И. В. Самойлов — «ИП Березина Г.Н.», 2020 — (Война миров. Проект 2050)

ISBN 978-5-907350-04-5

В 1950 году группой европейских интеллектуалов был начат (но на самом деле продолжен) тайный проект по моделированию способов выживания человеческой расы. За сто лет предполагалось создать нового человека, способного жить в условиях стремительно изменяющейся действительности. Проект имеет мощную поддержку теневых структур мира. С течением невероятных обстоятельств автор попадает в «Проект» и начинает осознавать, насколько настоящая картина реальности далека от того, что человечество видит на экранах своих гаджетов. Книги этой серии – попытка проникнуть за завесу, покрывающую амбициозные планы древних и современных кукловодов планеты.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907350-04-5

© Самойлов И. В., 2020
© ИП Березина Г.Н., 2020

Содержание

Архивы Логри	6
Пролог	7
1	10
2	14
3	17
4	21
5	24
6	28
7	31
8	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Игорь Самойлов

Врата небесные. Архивы Логри. Том I

© И. В. Самойлов, 2020

© Интернациональный Союз писателей, 2020

Составитель серии Елена Наливина

* * *

Самойлов Игорь Викторович – писатель-фантаст, философ, музыкант. Окончил кафедру теоретической физики Тюменского университета. Сфера его научных интересов – онтология квантовой механики.

Первый сборник рассказов вышел в 2008 году в издательстве «Русская неделя». Является лауреатом премии «Радио Радонеж» (2007). Победитель I Международного литературного фестиваля им. А. С. Пушкина, посвященного 220-летию со дня рождения поэта (Крым, 2019), – получил Гран-при в номинации «Фантастика» совместно с Вадимом Пановым.

Лауреат международного фестиваля фантастики «Аэлита» (Екатеринбург, 2019) – получил премию «Старт» за лучшую дебютную книгу, написанную на русском языке в жанре фантастики, – роман «Ёрт бы побрал этого Гвидония».

Архивы Логри

Анастасии, Прищесе

Пролог

20 марта, сквер Александра Моисеенко, улица Одесская, Тюмень,
Евразия. Через три года после событий, описываемых в романе

Она была прекрасна. Настолько, что рядом с ней меркло и таяло все. Но красота эта была яростно, чудовишно, выпукло опасна. Грация хищника остается грацией и красотой в каждом движении, но ты ясно понимаешь, что эта жгучая рациональность действий и отточенность пластики имеет лишь одну цель – как можно быстрее и эффективнее убить.

Олерия, королева ночных фейри, смотрела на меня сквозь чуть прикрытые ресницы. Такой взгляд мог бы быть у голодных волков или львов. Наверное.

Чуть томный и торжествующе опасный взгляд существа, в чьей власти все ночные создания, невидимые для обычных людей. Невидимые, но реальные. И в этом я сегодня мог убедиться воочию. Она стояла посреди круга. На расстоянии метров трех от нее, по линии, словно вычерченной циркулем, расположились создания, облик которых отдаленно напоминал крылатых львов шумерской цивилизации. Их мощные тела замерли неподвижно. Но это был момент обманчивого покоя.

Я должен был посмотреть ей в глаза. Прямо и твердо. Это ритуал, и в общении с королевой важна каждая деталь. Показать *уважение*. Открыть *намерение*. Я хотел танцевать с ней, и мне нужно было дать понять именно это. Ни больше. Ни меньше.

Не знаю, насколько тверд был мой взгляд – себя со стороны не увидишь, но Олерия качнула головой. Почти незаметно. Слегка. И все же в этом маленьком жесте читалось многое.

Именно в этот момент зазвучала музыка. Сначала чуть слышно, потом все громче и отчетливей. Это было танго. При первых звуках круг хищных тварей, словно живой и существующий сам по себе, пришел в движение. Олерия подняла руки, и круг раздвинулся, образуя проход. Узенький коридор. Для меня. Для нашего с ней танца.

Это был вызов, и я не смог бы его проигнорировать при любом раскладе. Только не здесь. Только не с ней. Олерия повернула руки неуловимым движением, и львы снова застыли. Музыка звучала мощно. Ее четкий ритм отдавался в ногах, будто сама земля стала искусным перкуссионистом, подталкивая меня вперед.

Танго... сложный и красивый танец, требующий концентрации и расслабленности одновременно. Королева ночных фейри, танцующая его сотни лет, и новичок, такой как я, – странное вроде бы сочетание. Но таковы правила фейри. Танцуй или умри. Никто не приходит к королеве без причины. А значит, за все есть цена. И я знал, какова она.

Мне пришлось сделать несколько шагов, чтобы войти в круг и приблизиться к ней. И, как только я сделал свой первый *пасо*¹, пространство взорвалось звуками. Причем это были звуки, изящно вплетенные в музыку. Мяуканье, рычание, шепот, хрип... Невозможно, но так было.

Олерия слегка улыбнулась чувственными губами, словно предвкушая удовольствие. На ее ногах сегодня были изящные туфли темно-зеленого цвета с невероятно высоким каблуком. Из-за них вся фигура Олерии, которая и без этого была совершенством, казалась просто фантастически сексуальной. Впрочем, а какая еще могла быть фигура у королевы Ночи? Ее платье черного (естественно!) цвета было усыпано мелкими бриллиантами. Никакой другой камень так не сверкал бы в рассеянном свете луны. Огромное декольте давало возможность уловить всю красоту и привлекательность высокой груди, длинной шеи и даже плеч. А еще оно оставляло достаточно места для массивного кольца из темных, почти черных в свете ночи камней в оправе из тонких белых лепестков.

¹ Пасо – шаг (исп.).

Каштановые волосы королевы были длинны и волнисты. А глаза – черны и бездонны. Они выделялись особенно ярко на фоне очень бледной кожи, почти белой. Казалось даже, что это какая-то особая пудра лежит ровным слоем на ее лице. Но у того, кто нечасто появляется на солнце, это, наверное, естественный оттенок.

Чем ближе я к ней подходил, тем ярче становилось вокруг. Словно луне добавили яркости. Олерия на секунду запрокинула голову и торжествующе засмеялась. От этого смеха у меня кровь натурально стала стынуть и отказывалась циркулировать по телу. Возможно, это и было наше *кабесео*². Мой вызов. Ее согласие на танец. Только в таком яростно-страстном виде, что ноги захотели двинуться в обратном направлении. И быстро.

Впрочем, отступать было поздно. Я уже был в круге, рядом с ней. И, как только наши тела соприкоснулись и ее руки оказались на моих плечах, пространство взвыло мощным какофоническим ором. Всего лишь на миг, но жути добавило так, что я понял все.

Обе ее груди были тесно прижаты к моей. И хотя я был одет в достаточно плотный плащ, это не помешало мне явственно ощутить ее острые и твердые соски. Они как будто задеревенели от возбуждения, которое охватывало королеву все сильнее. И такое было ощущение, что не только ее. Краем глаза я видел, что за первым кругом тварей есть и другие. Тоже круги. Точнее сказать, кольца. Из каких существ они состояли, я не разглядел, но количество впечатляло. По всему выходило, что у сегодняшней ночи финал предрешен. После того как закончится танец, моя плоть будет отдана им. В этом я не сомневался нисколько. Таковы уж правила встречи с королевой Ночи. Но мне нужен был ответ. Всего одно слово. И по-другому получить я его не мог.

Я сделал *амаге*³, но королева, казалось, могла читать мои мысли. Она просто качнулась в противоположную сторону и с небрежностью мастера прочертила левой ногой коротенькое *адорнос*⁴. Будто бы показала свое недоумение по поводу моей нелепой и неумелой попытки. Музыка начала наполняться новыми инструментами, и мощно зазвучала перкуссия. Танец развивался в соответствии с этой отовсюду и ниоткуда звучащей музыкой. И ее драйв нарастал.

«Самое время предпринять уже что-нибудь», – подумал я, делая *барридо*⁵. Олерия движение подхватила, и мы с ней плавно и синхронно сделали *хиро*⁶. Ее бедра практически обхватывали мои, и при этом она еще и двигалась! Меня не оставляло чувство, что я просто кукла, которой она забавляется. Не знаю, каким надо быть *тангерос*⁷, чтобы вести эту даму. Но точно не таким, как я. С другой-то стороны, это мне было ясно с самого начала.

И тут она произвела движение, которое обычно называется *корте*⁸: она прервала наше плавное вращение и резко разорвала объятия. Но я не дал свершиться ее внезапному *сольтадо*⁹. Уж не знаю, каким таким чутьем я просек ее замысел, а может, она просто позволила мне это сделать, но, поймав ее талию, я крепко прижал королеву к себе. На миг, но какой это был миг! Ее волосы легко коснулись моей щеки, и этого было достаточно, чтобы меня повело, как от мощного панча в челюсть. Все-таки она была невероятно, непостижимо сексуальна.

Королева неуловимым змеиным движением качнулась в сторону от меня, делая *оно*¹⁰, а мне не оставалось ничего иного, как вступить со своей игрой. Под кстати начавшийся новый

² Кабесео – дистанционное приглашение на танец.

³ Амаге – обманное движение.

⁴ Адорнос – украшение, мелкое движение ног вне шагов.

⁵ Барридо – сдвиг ногой, как будто подметание метлой.

⁶ Хиро – вращение, при котором партнерша обходит партнера, образующего, в свою очередь, центр вращения.

⁷ Тангерос – танцоры аргентинского танго.

⁸ Корте – прерванное движение в любом направлении.

⁹ Сольтадо – разрыв объятий.

¹⁰ Очо – шаги с поворотом, похожие на восьмерку.

такт буквально выстрелил своим *аррастре*¹¹, зацепив ногу Олерии и очертив ею невидимый круг. Твари, возбужденно наблюдавшие за нашим танцем, буквально взорвались звуками. О, это были очень искушенные зрители! Знатоки. Сколько таких танцев было на их памяти, узнавать мне не хотелось. Но, думаю, много. Очень много. И они могли оценить каждое движение. Потому что в каждом, даже самом небольшом и незаметном, жесте таился скрытый смысл. Это был разговор. Чем, в общем-то, и является любой танец. Только это разговор на другом языке. На языке, который мы, люди, почти забыли.

Олерия одобрительно качнула головой. Едва заметно, но я опять же уловил. Это было предложение к началу самой важной части сегодняшнего танца. По крайней мере, для меня.

– Имя, – чуть слышно прошептал я и разорвал объятия. Лучше сказать – попытался. Но теперь уже она мне не позволила это сделать. Какой силой удерживало меня это изящное и даже хрупкое на вид создание, было непонятно, но я остался в круге с ней. Максимум, что я смог, – начать диссоциацию, заворачивая в спираль свое тело.

Королева, чуть отстранившись, сделала то же самое в противоположном направлении. И это было прекрасно. Фейри – а они, как мне показалось, приблизились к нам – взвыли от восторга. Это был момент истины. Даже такое небольшое усилие, которое я смог провести, несмотря на противодействие Олерии, было оценено.

Она томно прикрыла глаза и с такой же легкой улыбкой на губах сделала правой ногой изящный *лапис*¹². А потом пальцами правой руки медленно, в такт музыке, вычертила сложную линию на моей спине.

– Ты будешь мой, – промурлыкала она.

Музыка приблизилась к апогею, и в этот самый момент мы синхронно начали вращение вокруг оси. Или это мир вращался вокруг нас? Ее губы приблизились к моему уху, и с них слетело то, ради чего я поставил на кон свою жизнь сегодня. Одно слово. И в тот же миг Олерия, следуя танцу, который вел нас (а я только тогда понял, что это такое), перетекла в *пивот*¹³. И мне не оставалось ничего другого, как только следовать вместе с ней к неизбежному финалу. Слово сказано. Это значит, что танец королеве понравился. А вот что будет дальше – это исключительно дело случая. Или везения. Кто во что верит.

Ее подданные в нетерпении сомкнули круг еще ближе к нам. И я не смог уловить момент, когда Олерия ушла. Вот только что я держал ее в объятиях, завершая движение, но буквально через миг ее уже не было. Я успел лишь заметить, что круг всколыхнулся, как живой, и потом замер. И внутри него был только я. Один. В окружении множества ночных фейри.

Последние аккорды танго смолкли в темном небе с огромной луной.

«Пейзажец отличный», – подумал я, поднимая правую руку. Медленно. Твари как замороженные следили за моим движением, но сами не двигались. А потом раздался негромкий странный звук. Будто пространство вокруг нас вздохнуло с сожалением. Или – облегчением. И это был сигнал. Моя рука упала вниз, и ладонь наполнилась привычной тяжестью. Мое оружие. «Пожалуйста, только не подведи!» – так мысленно прошептал я, глядя, как все подданные Олерии сделали свои первые прыжки.

И снова зазвучала музыка. Только на этот раз это было не танго. Мощный драйв гитары разорвал атмосферу сочными риффами. И понеслась. Душа. В рай.

¹¹ Аррастре – зацепка, смещение стопы по полу.

¹² Лапис – украшение, когда свободная нога описывает по полукругу.

¹³ Пивот – каблучный поворот одной стопы на пятке.

1

Что ни говори, а когда на дворе стоит чудесный солнечный день, это меняет весь расклад на жизнь. Ну ладно, пусть не на жизнь – тут я, пожалуй, несколько перегнул, – но на текущее настоящее – точно. Хотя... тогда-то было утро, причем то время, когда утро уже не совсем утро, но все-таки еще и не день.

Как всем известно, начинать день лучше с хорошего завтрака. Но живу я один, и ожидать, что кто-то мне его приготовит, смешно и бесполезно. А потому иногда я позволяю себе этот самый завтрак в общепите.

И так уж получилось, что на этот раз запланирован он был в ресторанчике с незатейливым названием «У Марио». Была, помните, мода одно время – придумывать названия как «у них», хотя на качестве еды это, как правило, никак не отражалось...

А вот здесь еда была отличной. Вкусная пицца. И паста ничего. Та, что с лососем. Икорка сверху горочкой... немного устричного соуса...

Вот в этот-то самый момент моего наслаждения утром – да и в целом жизнью – пошел снег. Сейчас я бы, конечно, сразу понял, что что-то не так. Ну а тогда... «Мы же в Сибири, а здесь и в июне снег бывает», – просто и ясно объяснил я случившийся катаклизм.

День был субботний, и на завтрак мы собирались поехать с Анастасией. Это моя дочь, ей шестнадцать. Она живет со своей мамой за городом, в небольшом доме. Езды минут на двадцать, если без пробок, опять же. Я отправил Анастасии эсэмэску, и к тому времени, когда подъехал к ее дому на своем подержанном «лендровере», она уже ждала меня на крыльце.

На ней была белая кожаная куртка с каким-то невообразимым количеством молний, с высоким воротником и большими манжетами, что делало ее похожей на юную принцессу из сказочной страны. Образ отлично дополняли узкие бежевые брюки и высокие сапоги из белой замши на платформе, что делало Анастасию заметно выше ее 165 сантиметров.

«Прекрасно, – естественно, восхитился я про себя, – прекрасно, но ужасно непрактично. Белое посреди этих грязевых ванн, в которые превратились улицы. Выглядит-то супер, но как с этим жить?»

Снег... не переставал. Снежинки, завихряясь в замысловатые хороводы, падали на каштановые волосы Анастасии, образуя что-то вроде маленькой сверкающей короны. Солнечные лучики, проникая сквозь густые хлопья снега, затейливо играли на этой снежной короне, и казалось, что корона эта была не из снежинок, а из настоящих чистых разноцветных бриллиантов, висящих в воздухе и неведомым образом связанных между собой. Завороженный, я смотрел не отрываясь на дочь. Что-то в ней сегодня было. Что-то особенное, но неуловимое.

И это волшебство длилось, пока она, подойдя, несколько недоуменно не поинтересовалась:

– Пап, ты чего?

– Стильная у тебя куртка, – ответил я, – вот чего. Анастасия села в машину, и мы направились напрямиком к «У Марио».

Ресторанчик располагался в центре города, напротив старого здания таможни. Маленькое семейное заведение с залом на десять столиков. Я хорошо знал хозяина. Ну... как хорошо – чуть лучше, чем просто «здравствуй – до свидания». А это, знаете ли, в наше-то время уже много. Интересный персонаж, скажу вам.

Никакой он, конечно, не Марио, а просто Миша. Но, сами понимаете, «у Миши» – это вам не то что «у Марио». Хотя по мне – что «у Миши», что «у Маши». Главное, чтобы привычные и ставшие родными нам капучино и тирамису наличествовали. И хорошо бы в должном качестве.

Снег тем временем усилился. Он валил большими тяжелыми хлопьями, и деревья с почти распутившимися листьями были покрыты им, как рождественские елки – украшениями. Город постепенно превращался в какую-то сказочную Лапландию.

Вообще я люблю Тюмень, как и многие его жители. Мы часто пишем на домах, заборах и плакатах: «Тюмень – лучший город Земли». Не большой и не маленький. Где-то 750 тысяч жителей. Сибирь, конечно, но жить можно. И живем. Некоторые – так даже очень неплохо.

На стоянке «У Марио» было пусто. Абсолютно никого. Помню, как удивился тогда. Это было странно для выходного дня. С другой стороны – утро. Народ спит. Тоже вроде бы понятная тема. Мы зашли в ресторанчик и столкнулись лоб в лоб с Мишей, выходящим на порог.

– Ну что, валит? – вяло поинтересовался он у меня. Я так понял, что это он говорит о снеге, и осторожно ответил:

– Да.

– Да... – кисло повторил он. По его лицу было видно, что надежды на хорошую субботнюю выручку накрываются большим медным тазом.

– Может, распогодится еще, – предположил я, уж очень печальное было у него лицо. Миша как-то неопределенно махнул рукой и скрылся на кухне.

А мы прошли внутрь.

Интерьер у Миши воссоздавал традиционную итальянскую trattoria. Все просто, домашнему. Деревянные массивные столы с деревянными же табуретами, светло-бежевые стены с декоративным камнем и настоящим камином.

Камин, кстати, горел, и после уличной «снежноты» его тепло сразу же настраивало на какой-то... душевный, что ли, лад.

В зале не было ни души. Мы выбрали столик у окна и заказали по чашке капучино: я – с корицей, Анастасия – с тертым шоколадом. Меню у Миши, может быть, и есть, но я его никогда не видел. Все клиенты у него и так знают, чего хотят. Я же говорю – домашний сервис.

– Пожалуй, сегодня не буду тирамису... – начала Анастасия, как вдруг что-то неуловимо и мгновенно изменилось.

«Погас камин», – отметил я.

Отметил, потом повернулся, чтобы посмотреть, что с ним случилось, и уперся взглядом в молодую женщину.

Она сидела между нами и камином, совсем рядом. Я мог видеть каждую мельчайшую черточку ее прекрасного лица. Но первое, что я увидел, были ее глаза. Огромные, с каким-то египетским разрезом, такого василькового цвета, что казалось: все остальное по сравнению с ним – лишь жалкая монохромная имитация настоящих цветов.

Помню, как в моей голове словно зазвенел маленький серебряный колокольчик. Тело сковал внезапный озноб, но все это было на периферии, где-то очень далеко. В центре же были только она и я.

Я потом часто пытался понять, воссоздать то ощущение, которое испытал тогда впервые. Это ощущение, словно ты вспоминаешь нечто важное, странным образом забытое до времени и вспыхнувшее с невообразимой яркостью в свой час.

Я вспомнил ее. И я точно знал это лицо. И эти глаза, и этот облик. Не знаю – откуда, но знал. Северная Леди. Принцесса Логри и Корнуэлла. Неповторимая и величественная Эдельвейс.

Белоснежный плащ с рассыпанными по нему полыхающими каплями искристого света, что был на ней, отразился каким-то прекрасным ореолом, который обрамлял ее непостижимую красоту. В платиновых волосах притаилась маленькая бриллиантовая диадема с большим фиолетовым камнем.

Рядом с ней сидел невысокий странный человек в темно-зеленом плаще с повязанным по-детски шарфом. Станным было выражение его абсолютно не запоминающегося лица. Словно

он был не человек, а механическая кукла, полностью лишенная мимики. Впрочем, он-то смотрел на меня внимательно. Словно пытался запечатлеть мой облик в своем сознании навсегда. Такое ощущение у меня возникло.

Первый шок прошел, и я заметил, что Леди смотрит не на меня. Она смотрела на Анастасию. Заинтересованно, с легким удивлением и даже с чуть улавливаемой улыбкой. Анастасия, замерев, смотрела на нее. В ее глазах читались нескрываемое восхищение и какой-то детский восторг.

А у меня... у меня было то же самое. Так бывает, когда встречаешься с чем-то действительно прекрасным, *настоящим*. Это состояние длилось какое-то время, пока я вдруг не почувствовал странное пощипывание, словно от электрического тока, в нижней части шеи. Потом это легкое ощущение превратилось в чувство тяжелого ожерелья, давящего на шею и грудь.

Я автоматически опустил глаза, чтобы посмотреть, что там. Но ничего не увидел, и ощущение практически сразу же исчезло. Когда я поднял глаза, напротив нас были только пустые столы и стулья. Камин горел. Анастасия смотрела туда же, куда и я за секунду до этого. Я тронул ее за плечо, она повернулась ко мне, и в ее глазах я увидел медленно гаснущие фиолетовые искорки.

– Ты тоже это видела, – с облегчением выдохнул я.

Есть у нас в Тюмени между улицами Республики и Ленина небольшой скверик. Официальное его название – сквер Немцова. В недавнем прошлом его благоустроили, сделали дорожки, поставили фонари, и стало очень даже прилично. Туда мы с Анастасией приехали в некотором оцепенении от случившегося. Мы сами не понимали, почему нас потянуло именно сюда.

Сейчас я, пожалуй, уже кое-что понимаю. Но только кое-что. А тогда мы были под впечатлением от встречи с Эдельвейс. С другим миром. Для людей, все так же привычно спешивших по своим делам, ничего не изменилось, но для нас... изменилось все. Нам словно приоткрылась узенькая щель двери, ведущей в неведомое ранее пространство.

Скверик встретил нас заснеженно. Огромные лиственницы нависали над дорожками, и, несмотря на то что территория была небольшой, у нас – по крайней мере, у меня точно – возникло ощущение, что мы попали в совершенно другой город.

Я впервые увидел (или почувствовал?) особенность этого места: с одной стороны были жилые дома, старые пятиэтажки-хрущевки, а с другой – храм Симеона Богоприимца. Невысокое здание с домовым храмом, построенное в конце XIX века меценатами для сиротского приюта.

Помню, как отчетливо проявилась мысль о том, что будто профанное и сакральное соединились здесь непостижимым образом, сочетавшись с переходом-сквером между открытыми пространствами улиц.

Мы выбрали скамейку, стоящую уединенно и поодаль от центрального прохода. Сели. И инстинктивно оглянулись вокруг.

И вот как же странно – словно внезапно пришедшее ощущение дежавю: зазвенела в сознании особенность момента – вокруг никого не было. Ни одного человека. Хотя это переход в центре города. Мы были одни. Вроде бы. Но мы явственно чувствовали, что это не так. Что есть нечто вокруг нас.

Нечто невидимое, но реальное. После того как мы увидели Эдельвейс, наше взорвавшееся сознание готово было допустить многое.

Мой взгляд задержался на стройном ряду деревьев, стоявших напротив нас. Между ветвями, почти скрытыми снегом, мне показалось какое-то движение. Может, белки, – подумал я сначала. Вообще они здесь живут. Раньше жили. Но, чуть присмотревшись, я отчетливо осознал, что это точно не они.

Сквозь падающий по-прежнему снег проступили очертания достаточно крупных существ. Как будто бы большие грациозные кошки играли в воздухе. Это было ошеломляюще прекрасно. Хотя длилось это ощущение всего один миг.

А потом я почувствовал на себе взгляд. Нет, не так – ВЗГЛЯД. Будто кто-то невыразимо могущественный и опасный посмотрел на меня. И это было почти так же остро, как и в случае с Принцессой. Я таращил глаза на ветви, хотя больше ничего там не видел. Наконец Анастасия отвлекла меня от этого занятия, тронув мою руку:

– Ты что-то видел?

Я повернулся к ней и понял, что она ничего не заметила. А значит, или этого не было, или это было только для меня. И это уже было через край. Даже для сегодняшнего дня. Впрочем, как мы впоследствии выяснили, ей тоже кое-что показали в этом месте. А потом мы узнали и другие удивительные, просто мистические пространства города. Но это место было первым. И очень ярким. И еще – очень-очень снежным.

«Как удивительно, – подумал я тогда, растворенный в новизне открытых ощущений, – снежный... Вроде бы холодный и зимний, но в этом слове столько нежности... Вот как интересно и парадоксально устроен иногда наш язык. Он будто подсказывает нам какие-то скрытые до поры вещи. Но мы... не слышим. И почти всегда проходим мимо».

Нам одновременно и хотелось, и не хотелось говорить. Оглушенные этими свалившимися на нас ощущениями, мы просто... молчали. И только иногда переглядывались друг с другом, словно желали удостовериться, что, по крайней мере, мы сами остались прежними.

Но это было не так. Хотя мы это осознали позже. Намного позже...

2

С утра в понедельник меня вызвали к ректору. Я в местном университете преподаю философию. Может, кому-то и кажется странным и скучным это занятие, но по мне – так ничего более любопытного нет. Ну, или не было до этой субботы. Как говорит мой первый учитель философии, в нынешнее время для человека есть два достойных занятия – растить детей и заниматься философией. Вот этим правилом я и руководствуюсь.

Кроме учебных занятий по философии, а точнее – философии и психологии восприятия, я еще исполняю обязанности куратора совета попечителей университета. Ректор наш, крепкий полный мужчина с небольшой залысиной, – тот еще перец. Хотя, наверное, на таких должностях других не держат.

Когда я вошел к нему в кабинет, он мило разговаривал с пожилым седоватым господином, которого я раньше никогда не видел. Тон ректорского голоса сразу дал мне понять, что передо мной новый потенциальный благодетель. Ни с кем другим наш ректор так приятно не беседует.

– А вот и он! – воскликнул ректор, весело улыбаясь. – Проходи, дорогой, садись. Имею честь познакомиться тебя с нашим новым возможным попечителем, да! Итак – Петр Иннокентьевич Створкин. Вот. Известный меценат, между прочим.

На этих словах ректор сделал особый акцент, знакомым алчным взглядом посмотрел на меня и продолжил:

– Прошу любить и жаловать. (Ну где, скажите мне, где учат такой интонации, особенно на нужных словах, которая сразу дает тебе понять: выбора нет – только любить и жаловать?)

– Очень приятно, – несколько смущенно ответил я.

Смутил меня не ректор, нет, к нему я уже привык. А вот взгляд у Петра Иннокентьевича показался мне опасно знакомым. Несколько секунд мы молча смотрели друг на друга. Створкин имел благородное лицо с прямыми правильными чертами, римский нос с горбинкой и серо-голубые глаза. Седая борода была аккуратно подстрижена. Под глазами лучиками струились морщинки. На вид ему было лет семьдесят. Он был одет в костюм-тройку, я таких лет сто не видел. Образно говорю, конечно. Несколько старомодно, но – элегантно. Больше всего он походил на эдакого аристократа с черно-белых фотографий XIX века. «Ему бы еще цилиндр и трость, – подумал я, – человек вне времени».

– Это честь для меня, – сказал, улыбаясь и пожимая мне руку, Петр Иннокентьевич, – познакомиться со столь достойным молодым человеком. Я, видите ли, привык обсуждать дела в своем рабочем кабинете. Буду вам безмерно признателен, если вы почтите меня своим визитом завтра ровно в девять утра. С Олегом Петровичем, – тут Створкин посмотрел на ректора, – мы уже обо всем договорились. Не так ли, Олег Петрович?

– Петр Иннокентьевич, дорогой, – расцвел ректор, – весьма обрадован вашим визитом. А также решением помочь нуждающимся студентам и в целом нашему университету. Игорь Викторович – куратор попечительского совета, но если нужно, я сам...

– Нет, ну зачем же, – мягко прервал его Створкин, – я думаю, мы обо всем прекрасно договоримся сами.

Он протянул мне свою визитную карточку:

– Пожалуйста, не опаздывайте. Честь имею, – тут Створкин учтиво поклонился и вышел.

– Ты хоть знаешь, кто это? – зашипел ректор, брызгая слюной, как только за Створкиным затворилась дверь. Я было хотел сказать, что да, уже знаю, да передумал. Что-то уж сильно возбужденным выглядел Олег Петрович.

– Да ведь он один из самых богатых меценатов нашего города! – с негодованием произнес ректор. – Тебе-то уж надо это знать!

«Может, и надо, – подумал я, покидая «гостеприимный» ректорский кабинет, – да вот не знаю».

Меня заворожило ощущение, которое я испытал, глядя на Створкина. Я абсолютно точно никогда не встречал его раньше, но при этом сразу же проникся симпатией к нему. Он казался мне человеком хоть и загадочным, но внутренне близким.

Я посмотрел на визитную карточку. На ней было написано: Створкин П. И. и адрес – улица и номер дома. Всё. Ни телефона, ни названия компании, ни должности самого Створкина – ничего.

В «Гугл» на мой запрос (П. И. Створкин, Тюмень) об известном меценате не было ни строчки. А если чего-то нет в «Гугл», значит, этого нет вообще. Такое нынче определение экзистенции, кажется?

У меня было еще три лекции. На одной из них я говорил о формировании восприятия внешнего мира той социальной и природной средой, в которой живет индивид. Скажем, в Африке есть племена, которые живут исключительно в лесу и никогда практически не выходят на открытое пространство. Так вот, когда людей из этого племени подняли на лифте на верхние этажи небоскреба, они там погуляли и решили выйти прямо из окна. Им казалось, что земля где-то совсем близко, немного спрыгнул – и все. Оценить реальное расстояние они были неспособны.

Восприятие форматируется обществом, физиологией индивида и физической средой обитания. Вне формата много чего есть, но нам оно недоступно – или почти недоступно. Но что же было с нами в ресторане?

Этот вопрос не оставлял меня ни на секунду. Иллюзия, гипноз, абберация восприятия? В любом случае здесь присутствовал один важный момент: это что-то было общим для нас с Анастасией. Мы видели и слышали одно и то же за небольшими исключениями. Я, например, чувствовал еще и запахи. Явно различимый аромат ландыша, запах зеленого яблока и что-то еще – смутно знакомое, но не определяемое. Анастасия запахов не помнила, но у меня с детства обостренное обоняние.

Да... все-таки профессиональная деятельность накладывает свой отпечаток на наше восприятие. Как без этого. И хотел бы, да никак.

Камю писал, что мыслить – значит испытывать желание создавать мир. «Всякий философ, – говорил он, – даже Кант, является творцом».

Раньше я хихикал, особенно по поводу Канта, над этой фразой, а вот теперь... теперь мне было не смешно.

Я пытался снова и снова совместить два мира. Мой, привычный, и мир, приоткрывшийся мне. Искал противоречие. Искал диссонанс. Искал конфликт. И не находил. Все было естественным. Так бывает, когда мы вспоминаем что-то из детства, что-то основательно забытое, стершееся из памяти – например, человека или эпизод, событие, – и вместе с этими воспоминаниями воскресает целый мир, с ними связанный, – цвета, звуки, запахи.

Значило ли это, что я – создатель этого нового мира? Что это – лишь плод моей фантазии? Этого я не понимал даже близко. И самое забавное, что и обратиться с таковым вопросом было, понятное дело, не к кому.

Я мучительно пытался вспомнить что-нибудь еще о том мире, в котором живет Эдельвейс, но не мог. Словно глухая непроницаемая стена стояла передо мной. Я знал, что ключ – она, Принцесса. Но это было все, что мне тогда было известно.

В определенном смысле я ощущал себя, наверное, так же, как Чжуан-цзы, мой любимый древнекитайский философ, в его самой знаменитой истории, когда ему приснилось, что он – бабочка: проснулся Чжуан-цзы и не мог понять – то ли он Чжуан-цзы, которому снится бабочка, то ли он бабочка, которой снится, что она – Чжуан-цзы...

Ночью мне тоже приснился удивительный сон. Я шел по узеньким улочкам старой Тюмени мимо многочисленных деревянных домов, выстроившихся в ряд, с деревянными же палисадниками перед ними. На улице пасмурно, нет ни солнышка, ни даже кусочка синего неба.

Мне не нравится это серо-досочное пространство, и я начинаю ускорять шаг. Еще немного – и я уже бегу. Улочка петляет, но декорации всё те же. Впереди уже заметно, что улица заканчивается высоченным деревянным забором. Все, тупик. Куда дальше?

Я подбегаю почти вплотную к забору, еще миг – и я врежусь в эту серость надвигающегося забора, в эти сухие доски, в которых видна, кажется, вся фактура дерева, из которого они были когда-то вытесаны. Все эти прожилки, сучки, остатки смолы, срезы годовых колец – я вижу все это с невероятной четкостью.

Внезапно замечаю, что эти прожилки начали набухать, наполняться влагой, и скоро уже стали заметны маленькие зеленые почки, появившиеся тут и там. Они принялись умножаться с огромной скоростью – и вот уже весь забор, казалось, покрылся зеленью. Словно время повернулось вспять, и из засохшего, серого, угрюмого, мертвого появилась и восторжествовала жизнь.

Между тем сквозь листву начали пробиваться солнечные лучи. Мало-помалу они становились все ярче и ярче, и вот уже жаркое, жизнеутверждающее, ликующее солнце поглотило зелень недавно распутившейся листвы в своем неудержимом сиянии.

Ветви словно бы раздвинулись, раздались, и везде и во всем было солнце. И в этом сиянии я будто плыл над землей, сам становясь сиянием, продолжением этих светлых ласковых лучей, этого тепла. Я ощущал блаженство. Настоящее. Такое, которого никогда не испытывал.

Потом я часто вспоминал этот сон и думал: все в жизни человеку может надоест, потому что ничто материальное, земное не наполнит его, человека, невообразимую глубину. Хотел престижную машину, получил – понял, что это всего лишь машина, и радость какая-то недолгая. Хотел земли, дома, деньги (яхты, самолеты) – все очень скоро оказывается пресным и постылым, хочется чего-то еще. А здесь, в этом сне, первый раз в жизни я больше не хотел ничего. Только чтобы это не заканчивалось, чтобы это длилось. А может, там просто не было времени? Ведь если времени нет, то чему длиться?

Говорят, в пакибытии – в этом состоянии после смерти в христианстве – времени как онтологического понятия не существует. Трудно представить такой мир, еще труднее – ощутить. Но некоторым, видимо, удается. В христианских апокрифах я встречал описание остановки времени, когда *времятечение* мироздания застывает и мир становится статической декорацией.

Но там же Бог. Он не господин ли и времени? А здесь? Откуда же такие видения? Так странно – и так необычно.

Эйнштейн считал, что нет отдельно пространства и нет отдельно времени. По крайней мере, согласно его теории относительности. Есть неделимый континуум, «пространство – время». А ведь и правда – чтобы пространство существовало, *воспринималось*, нужно время как некая длительность. И даже кантовская идея (куда же без него!) о протяженности возможна только в таком контексте времени...

Проснулся я с ощущением абсолютнейшего, тотальнейшего счастья. Если рай есть, то в нем, наверное, так, как в моем сне.

3

Когда сталкиваешься с необходимостью описать свой собственный опыт встречи с необычным, помочь тебе никто не сможет. Так я понял, пытаюсь тогда собрать в кучу свои аргументы и пояснения. Для начала – самому себе. Да, были талантливые люди, ничего не скажешь. Писали об этом так, что хотелось верить. А вот когда с тобой такое...

И ладно бы что-то прямо эзотерическое. А тут ведь нет. Простое, обыкновенное в чем-то даже чудо. И где? Не в Тибете каком-нибудь или в Индии, как у всех. А вот прямо здесь. И в этой невозможности что-либо (и кому?) объяснить ощущалась некая поразившая меня тогда своей новизной запретность. Словно показать-то показали, а вот дальше...

Утро вторника (по контрасту, наверное) было неприветливо хмурым.

Я живу почти в самом центре города, в исторической его части, неподалеку от Свято-Троицкого монастыря, в небольшом деревянном домике. Домик этот давно уже должны были снести, а мне – дать за него квартиру, да внезапный финансовый кризис успокоил рвение очередного инвестора, и все осталось как было.

Контора Створкина располагалась тоже в центре, поэтому я решил пойти к нему пешком.

Трехэтажное каменное здание с вывеской на стене «Памятник архитектуры XVIII века» выделялось свежоштукатуренным и покрашенным фасадом кофейного цвета. Я очень люблю такие здания, тихие, купеческие, а может, и дворянские. Со своим стилем и историей. Жаль, что каток урбанизации, так легко уничтожающий прошлое, оставил их так мало.

Перед зданием был кирпичный забор с коваными чугунными решетками, с воротами для въезда автомобилей и небольшой калиткой с домофонной кнопкой. Чуть помедлив, я осторожно нажал кнопку. Что-то зажужжало, замок щелкнул, и дверь открылась. Я вошел во двор, пересек его и повторил то же самое с кнопкой на входе в здание.

Дверь открылась. И в тот же миг, как это случилось, зазвенел колокольчик. Он висел над дверью и, казалось, был сделан из прозрачного горного хрусталя; из цельного куска, искусно ограненного, переливающегося цветами радуги. Серебряный язычок причудливой формы, словно маленькая белая змейка, выглядывал из-за края. Впрочем, все это отразилось в сознании почти мимолетно.

Внутри был просторный холл, полностью отделанный деревом разных видов. Я не большой специалист по интерьерам, но было件нятно, что в данном случае он, интерьер, являлся подлинным произведением искусства.

С потолка свисали две огромные хрустальные люстры со множеством ламп. Люстры горели, несмотря на дневное время. На окнах были тяжелые плотные шторы, бордовые, с золотыми и зелеными вышитыми узорами. Шторы были открыты. За окнами виднелся внутренний дворик. Там цвели огромные маки и еще какие-то синие цветы, похожие на незабудки.

Колокольчик смолк. Петр Иннокентьевич Створкин, улыбаясь, стоял у массивной широкой лестницы, по-видимому, ведущей на второй этаж.

– А вот и наш молодой рыцарь, – сказал он, приветливо подмигивая и протягивая мне руку для пожатия, – приветствую.

– Здравствуйте, Петр Иннокентьевич, – вежливо ответил я, протягивая в ответ свою руку, – почему рыцарь?

– Ах, словесные изящества старого человека, не обращайтесь внимания. Прошу, – Створкин сделал приглашающий жест, показывая на лестницу.

– Красиво тут у вас...

Ступеньки были покрыты плотным толстым ковром темно-синего цвета. Каждой ступеньке соответствовал свой символ, что-то среднее между иероглифом и буквой, вытканый на полотне ковра.

– Да, красиво, – согласился Створкин, – все настоящее, не новодел. Прекрасное искусство благородного и изящного общества. Ну а нам досталось по наследству.

Поднимаясь по лестнице, я обратил внимание на большие картины в массивных позолоченных рамах, украшавшие стены. Внешне они производили впечатление очень-очень старых. Это были холсты с потрескавшимися от времени красками; но то, что на них было изображено, напоминало совершенно фантастические постмодернистские пейзажи. Буйству воображения их создателей позавидовал бы и Сальвадор Дали. Не только Босх безумствовал в прошлом, оказывается...

На одной картине были нарисованы здания странной ломаной архитектуры, отбрасывающие абсолютно невообразимые тени под несколькими разноцветными то ли лунами, то ли солнцами. На другой был изображен райский сад, а может быть, зоопарк с неведомыми земной науке животными и птицами.

– Интересные у вас картины...

– О! Вам понравилось? – обрадованно воскликнул Створкин. – Тогда я покажу вам всю коллекцию как-нибудь.

Кабинет Петра Иннокентьевича представлял собой открытое пространство всего второго этажа с массивным столом из темного дерева и таким же массивным стулом с высокой спинкой в окружении книжных шкафов. Рядом стояли накрытый чайный столик с низкими удобными креслами. На столике были электрический самовар с заварочным чайником и корзинка с конфетами местного производства «Квартет».

– Я надеюсь, вы не откажетесь от чая? – улыбаясь, произнес Створкин. – У меня он особенный, вам понравится.

– Конечно, Петр Иннокентьевич, с удовольствием, – ответил я, рассматривая пухлые тома за стеклянными дверцами книжных шкафов.

Он налил мне чай, потом – себе, затем перекрестился, глядя в угол, и пригласил сесть. Я мельком взглянул туда, куда он смотрел, и заметил две большие иконы с горящей лампадой в правом верхнем углу на подставке. Комната наполнилась ароматом свежесваренного чая с нотками цитруса, чабреца и чего-то еще. Попробовав чай, я отметил про себя, что Створкин не обманул. Он действительно был изумительно вкусным.

– Слушайте, ваш чай – это просто шедевр! – не удержался я после очередного глотка.

– Оригинальная специальная смесь из Корнуэлла. Личный подарок Эдельвейс, – мягко улыбаясь, сказал Петр Иннокентьевич.

Сначала я не понял эту фразу. Но имя... повергло меня в растерянность.

– П-простите, кого? – заикаясь пролепетал я.

– Вы не ослышались, мой друг, это действительно подарок Эдель вашему покорному слуге. И... я понимаю, как это, должно быть, странно звучит, но вы здесь потому, что она выбрала вас.

– Кто выбрал, для чего выбрал? – слова неосознанно сорвались с моих губ. – Петр Иннокентьевич, ради бога, перестаньте меня разыгрывать. Кто вы на самом деле?

На мгновение меня посетило ну очень странное (и неприятное) ощущение. Вроде бы как кто-то могущественный со мной играет в странную игру.

– Я – Проводник, – просто ответил Створкин.

– Кто?.. – начал я и осекся. Мне показалось – хотя в тот момент я был в этом уверен, – что я увидел на груди Створкина изящную цепочку с огромным фиолетовым камнем размером с перепелиное яйцо, в оправе из камней поменьше, скрепленных между собой тончайшей серебряной нитью. Секундой позже Створкин чуть развернулся, и на его строгом старомодном костюме уже ничего не было. Странно, но это меня разозлило. Не хватало мне еще галлюцинаций.

– Знаете, Петр Иннокентьевич, – раздраженно сказал я, – вы, наверное, человек уважаемый, известный, состоятельный и прочее, но это еще не дает вам право относиться ко мне как к идиоту...

– Упаси Господь. И не думал, – спокойно ответил Створкин. – Вы вольны покинуть этот дом в любую секунду. Прямо сейчас и навсегда. Но если бы вы дали мне возможность хотя бы попытаться объяснить вам смысл и значение происходящих с вами событий, какими бы невообразимо дикими и фантастическими они ни казались, мы с вами получили бы от нашего общения гораздо больше приятных впечатлений и – что важнее – практической пользы. Он сделал паузу, посмотрел на меня и продолжил:

– Давайте-ка я налью вам еще чаю. И коль скоро вы так (здесь он сделал ударение на «так») нетерпеливы, то буду краток.

Я сделал большой глоток, глубоко вздохнул, отчего-то вспомнив грозное лицо ректора, и приглашающе кивнул Створкину, думая про себя, как обманчиво может быть все-таки первое впечатление. С виду такой вполне себе респектабельный человек, а оказывается – городской сумасшедший. Или шизофреник, что немногим лучше.

– То, что я скажу сейчас, – начал он, – можно считать легендой, или мифом, или оригинальной интерпретацией человеческой истории, это как вам будет угодно. Важнее в ней то, что она помогает задать некую систему координат, в которой вам будет легче воспринять те события, происходящие в вашей жизни.

«Интересно, как он-то знает о событиях в моей жизни?» – пронеслось у меня в голове.

– Понять ваше состояние нетрудно, – словно отвечая на мои мысли, продолжил Створкин, – со мной случилось то же самое; правда, в значительно более юном возрасте и при совсем других обстоятельствах...

И уж поверьте, пожалуйста, вы не один такой.

Так вот, у Бога было семь самых близких ангелов. После сотворения мира им был передан дар, который позволял творить ангелам миры, подобные миру Божественному. Так появились семь ангельских миров. Иногда их еще называют скрытыми.

Но кроме ангельских миров есть еще четыре, созданных избранными святыми. Эдельвейс – принцесса Логри, одного из таких миров. И ко всему этому есть наш мир, который знаком вам с детства, – один из двенадцати.

Тут Створкин приостановился, внимательно посмотрел на меня, покачал головой и сказал:

– Если бы вы сейчас не отгораживались глухой стеной неверия и тотального скептицизма от того, что вы пережили и что теперь вам известно, вы бы сами мне сейчас могли об этом рассказывать. Но ваше сознание блокирует эту информацию, и это понятная защитная реакция организма. Никому не хочется обнаружить себя ненормальным. С ума сошедшим, как говорили раньше. Наше сознание считает нормальным лишь то, к чему привыкло. И, что немало важно, к чему привыкли другие. Люди, которые нас окружают. Их «нормальное» довлеет и формирует наше «нормальное». А ненормальные люди – известно где должны находиться...

Поэтому, повторю, ваше неверие – это защитная реакция. Что в известной степени тоже нормально. Наше сознание, как улитка, привыкло прятаться за толстые стены своей прочной раковины. Впрочем, не мне вам об этом говорить. Вы ведь специализируетесь на теориях восприятия, не так ли?

«Откуда он знает, интересно?» – подумал я. От такого неожиданного поворота беседы я несколько растерялся, отчего мое первоначальное неудовольствие как-то улетучилось.

– Да, это так, – сказал я. – Хотите предложить еще одну, свою?

– Ну, если вам так угодно, – с улыбкой ответил Створкин.

– Боюсь, я к этому не готов. Извините. Как-нибудь, знаете, в другой раз.

Волна раздражения снова начала подниматься во мне. Я встал из-за стола:

– Спасибо за действительно прекрасный чай. И, пожалуйста, не обижайтесь, Петр Иннокентьевич, но вам нужен н-несколько иной с-специалист, да. Я как-то по другой части совсем...

Створкин все с той же понимающей улыбкой смотрел на меня. Но ничего больше не говорил. А внутри меня был раздрай. И что-то еще, абсолютно новое и непривычное. Раздражение вкупе с растерянностью и даже определенным страхом дали результат в виде спутанной и несвязной речи:

– Ну а теперь п-позвольте откланяться. До свидания. Всего самого наилучшего, э-э-э, Петр Иннокентьевич... Хорошего вам дня. И доброго здоровья, конечно. Это особенно...

Так вот, приговаривая всю эту вежливую (и не очень) ерунду, я пятился, пока за мной не закрылась дверь створкинского дома.

«Господи, бывает же такое! – подумалось мне тогда. – Ну а как еще это оценишь?»

4

От Петра Иннокентьевича Створкина я вышел в сложном душевном состоянии. С одной стороны, конечно, было искушение забыть все как дурной сон (всякое бывает, как известно). Да ну, о чем тут вообще... устроил, понимаешь... введение в «Игру престолов». Тоже мне...

С другой стороны, маленьким, но настойчивым червячком вгрызлся в могучий железобетон стойкого утверждения «этого не может быть» робкий вопросик «а вдруг?». Ну и, конечно, банальное: Who is Mr. Stvorkin? Не то чтобы хотелось прямо докопаться до самого дна, но с чего-то же появился такой человек в моей жизни?

Шизофрения, согласно последним научным подходам, ведь не болезнь. Это особенность восприятия мира. Осталось выяснить, какую роль в створкинском восприятии мира играю я. Ну да, ну да, и тот же вопросик: Who am I? Сколько себя помню, пытаюсь на него ответить...

О! Какие ноги!

Чего только не придет в голову внезапно и вдруг. Особенно когда задумаешься о несправедливости мира или озаботишься (нечаянно) смысловозжизненной проблематикой...

Примерно таким был этот момент: глаза опущены и видят только ниже пояса. Да. В итоге я практически столкнулся лбом с таким же ушедшим в себя прохожим. Поднял виновато глаза.

Передо мной, смущенно улыбаясь, стояла высокая стройная девушка в ярко-красном коротком платье. Класс. Матрица в действии...

– Привет-привет. О чем задумался? – мелодичный высокий голос с сильно выраженным иностранным акцентом вернул меня в действительность.

«А ведь я ее знаю, – подумал я, – Элоиз Маклинн. Пару месяцев назад случайно познакомился».

У нас в университете существует специальная программа обмена аспирантами. К нам приезжают, хоть и нечасто, иностранцы, специализирующиеся на изучении русской культуры. Ну а параллельно ведут курсы английского для наших студентов. Тогда, помнится, она не произвела на меня впечатления.

– Ох, здравствуйте, мисс Маклинн. Извините, я вас не заметил.

– Нет, не извиню! Мало того, что он меня не заметил, так он еще и говорит об этом! И к чему такой официоз? Забыл мое имя?

У мисс Маклинн, несмотря на нерусское происхождение, с правильностью интонации было все отлично: вежливая укоризна, чуть-чуть юмора и, пожалуй, легкая нотка заинтересованности в продолжении разговора.

– Хм-м-м... э-э-э... Элоиз...

– Можно просто Лиза. Так ведь проще, правда?

– Несомненно. Чем мне искупить свою провинность?

– Ну-у-у... можно угостить девушку кофе, например.

В голос было добавлено чуточку колебания, совсем немного, но все-таки достаточно, чтобы дать мне понять: большого интереса нет, но недолгое дружеское общение вполне возможно. Причем обмен интенциями прошел мгновенно и невербально. Стало быть, человек неглупый – как минимум.

Ну что же, как говорится, – «олл райт». Меня это устраивает. Как способ немного отвлечься...

Впечатление от разговора со Створкиным никуда не делось, но эта неожиданная встреча помогла мне очнуться и подумать еще о чем-то. Например, о неминуемой встрече с ректором. Когнитивный шок, вызванный общением со Створкиным, спутал все мои планы. Я забыл даже, зачем я, собственно, приходил к нему. То есть абсолютно. А ведь ректор наверняка ждет меня завтра с деньгами, ну или хорошими новостями о скором их получении.

– Хорошо, – сказал я, глядя на противоположную сторону улицы, – «Шоколадница» устроит?

– Вполне, – ответила она, беря меня под руку «Шоколадница» – небольшое уютное сетевое кафе, которое появилось у нас сравнительно недавно и быстро стало популярным местом. Я заказал себе свой всегдашний капучино с корицей; Элоиз – тоже капучино, только с тертым шоколадом.

– А я думал, в Англии пьют чай, – вежливо сказал я, наблюдая, как она делает первый глоток.

– Я из Шотландии, – с хитрой улыбкой ответила она. – Впрочем, я уехала оттуда очень давно. Несколько последних лет жила в Париже. Там пьют кофе.

– А где вы так здорово научились говорить по-русски?

– У меня был русский друг. К нему в Париж я и уехала, кстати, – задумчиво и как-то протяжно, с ударением на «и» протянула Элоиз. Я молча смотрел на нее, ожидая продолжения, но его не было. Ладно.

– А ты всегда вот такой отстраненный, Игор? – неожиданно заинтересовалась она, явно желая сменить тему.

Мое имя она проговаривала без мягкого знака и с ударением на первом слоге, так что получалось почти «Егор». – Или просто тяжелое утро?

– Не тяжелое. Странное. Знаешь, вроде бы как проснулся, встал, вышел на улицу, встретил там красивую девушку и вдруг обнаружил, что спишь все еще. Ну и вот, пытаешься понять, где явь, а где не явь.

– О-о-о! Приятный комплимент в этакой экзистенциально-буддийской упаковке, – с легкой улыбкой сказала она, – принимается! А ты хитрец... (Здесь она подмигнула.) Но мне лично, как человеку сугубо практическому и рациональному, ближе вполне себе материалистический взгляд на жизнь. Фантазии украшают мир, но не должны подменять его.

– Звучит разумно, – неуверенно промямлил я.

– Не только звучит. Это и есть разумно. И уж если заговорили, – тут Элоиз на секунду остановилась, словно колеблясь, – одна из причин, по которой я занимаюсь русской культурой, именно здесь. Именно в этом.

Я пытаюсь понять, откуда у русских это навязчивое стремление убежать из бытийности. Из настоящего. Нагромоздить себе воздушные замки, нарисовать идеальности и идеалы, сломать себе шею на безумных попытках воплотить их, разочароваться, всё уничтожить. Потом отчаиваться и скорбеть... Ну как же это глупо! Странно и бессмысленно!

Она проговорила все это спокойно, словно повторяла много раз продуманную фразу, но все-таки что-то неуловимое проглядывало сквозь невозмутимое выражение лица. А девушка не так проста, как мне казалось...

– Прости, я не хотела тебя, как это говорится, загружать, да? Случайно вырвалось. Видимо, рефлексия прошлых разговоров с моим русским другом. Он преподавал культурологию в Сорбонне, и мы, случалось, разговаривали.

– Ну что ты! Это очень интересно, – успокоил я ее. – И я с тобой согласен почти во всем. Как там у великих: самое важное в твоей жизни – то, что ты делаешь здесь и сейчас, самый важный человек – тот, с которым ты общаешься в эту минуту, самая важная вещь – то, что вы обсуждаете сейчас. Кто бы спорил? Тем более с классиками.

– Вау, рада, что ты согласен. Жить надо настоящим.

Я хотел в очередной раз кивнуть, но вот в последней фразе мне послышалась некая странная двусмысленность. Какая-то неясная мысль шевельнулась на дальних горизонтах моего сознания. Шевельнулась – и затихла.

– Да, это так, – решил я продолжить эту тему, – вот только настоящее ли «настоящее»? Или лучше: сколько настоящего в «настоящем»?

– Играешь словами, да?

– Ну, мне-то больше нечем. В отличие от...

Тут я выразительно посмотрел на Элоиз. Она, впрочем, никак не прореагировала на мою конспирацию и как ни в чем не бывало глотнула свой кофе.

– Может, в контексте последней цитаты из классика настоящее – это то, что важно здесь и сейчас, а? – с загадочной улыбкой предложила она.

– Слушай, а неплохо! Мне эта мысль нравится. Надо будет поразмышлять как-нибудь.

– Ага, поразмышляй. Ты же философ, Иго-о-ор?

Тут Элоиз наклонилась ко мне, сделала большие глаза и с заговорщицкой улыбкой спросила:

– Проводишь меня до университета?

Ее волосы коснулись моего лица. Я различил тонкий-тонкий запах: цитрусовая нотка, скошенная трава. И – томный, завлекающий, манящий запах лаванды. У чуть открывшегося декольте была видна узкая полоска бюстгальтера, тоже красного, но чуть светлее платья. И глаза. На фоне роскошных медно-рыжих волнистых волос. Огромные, зеленые, смеющиеся...

«А она может произвести впечатление», – подумал я и сказал:

– Конечно, провожу!

– Ну, тогда я на минутку.

Она медленно вышла из-за стола и прошла мимо меня, чуть касаясь своей рукой моего плеча. Я проводил ее взглядом и хмыкнул про себя – кажется, отвлекся все-таки удалось.

5

В университете мы расстались с Элоиз в холле, церемонно пожав друг другу руки. Еще в «Шоколаднице» мы договорились о продолжении знакомства.

Под такое дело я зарезервировал столик в «Чуме» – модном ресторане, стилизованном под хантыйский дом. Вечер там мне обойдется в треть зарплат, не меньше. Но что делать? Шанс, однако...

Поднимаясь к ректору с тяжелым чувством, я вновь мысленно вернулся к Створкину. Одного у него не отнимешь – его потрясающей харизмы. Бывает же так: несет человек разную чушь, а ведь веришь, если видишь, что живет он так, как говорит. Створкин был словно живой свидетель каких-то уж совсем, с колокольни современности, былинных времен, свидетель импозантный, стильный, *настоящий*.

Дверь ректорского кабинета внезапно открылась, и оттуда выскочил он сам, как обычно, крича и брызгая слюной в мобильный телефон. Увидев меня, он мигом убрал телефон в карман, даже не нажав на сброс, сладко улыбнулся, раскинул ко мне руки и патетически вскричал:

– Кормилец, отец родной, наука вас не забудет!

Не обращая, как обычно, внимания на меня и непонимающее выражение моего лица, он крепко хлопнул меня по плечам и радостно выдал:

– Сегодня пришли деньги от Створкина – молодец, так держать!

Убегая, он достал из кармана свой телефон и продолжил что-то кричать. Через секунду его голос доносился словно из другого мира.

«Ну что же, – подумал я, – хотя бы здесь одной проблемой меньше. Но... и одной гигантской проблемой больше. Ректор теперь меня ни за что от Створкина не отпустит. Никуда и никогда. Вон, вцепился как клещ, даже улыбнуться соизволил». А это, я вам скажу, дорогого стоит.

Майский вечер прекрасен в любом месте. Было тепло, но не жарко, периодически налетал легкий ветерок, словно зазывая на неспешную романтическую прогулку.

«Ну, посмотрим, как пойдет», – сказал я самому себе, ожидая Элоиз на тротуаре перед «Чумом». Пару минут спустя подкатил «мерседес» темно-зеленого цвета. Водитель – а это наверняка такси, хотя и без шашечек, решил я – открыл пассажирскую дверь, откуда и появилась... она. В шикарном темно-зеленом вечернем платье.

Богатое ожерелье из камней, похожих на изумруды, украшало глубокое декольте. Такие же камни составляли хитроумный узор длинных сережек, но еще более величественно – и странно – выглядела небольшая тиара на медно-рыжих волосах Элоиз. Ничего себе...

– Ты классно выглядишь, – искренне сказал я, усаживая Элоиз за столик.

– Спасибо, ты прямо настоящий рыцарь, – кокетливо ответила она.

Мне же эта фраза вновь напомнила Створкина – вот и она о том же. Двусмысленности, неясности, нюансы...

– Расскажи, как давно ты в России, – предложил я, – я ведь совсем ничего о тебе не знаю, а страшно интересно узнать. И почему именно Тюмень? После Парижа не скучно?

– Не-е-ет, не скучно, – забавно протянула она, – тут такие интересные персоны. Знаешь, сколько бы я ни путешествовала, я поняла для себя четко одну вещь: самое интересное в мире – это человек. И общение. Это нечто такое, чего ничто не заменит. Поэтому я, можно сказать, ловец. А точнее, хищник – или хищница. Интересные люди возбуждают мой интерес. О! Игра слов, как забавно. Ну и если я здесь, с тобой, то...

– То я, выходит, жертва, – перебил я ее, улыбаясь. – «С хищником будь осторожен, с хищницей будь осторожен вдвойне», так?

– Да, любопытная цитата, – посерьезнела она, – но... это же просто игра.

«Я вроде не страдаю паранойей, ну, или не страдал до недавнего времени, почему же я теперь слышу почти в каждой фразе намек или полутон?» – подумал я про себя, глядя в искрящиеся зеленые глаза Элоиз.

В последней фразе слышалось какое-то приглашение, словно бы намек на возможный сценарий отношений, а может быть, тонко завуалированная провокация на выявление ответной реакции – ну кто ж их поймет, женщин? Я-то давно уже смирился с мыслью, что мне это не по силам. Что, возможно, и было причиной моего неудачного брака. Мне всегда больше нравился блюз, чем джаз.

– Ну вот, – неожиданно для себя произнес я, – а говорила, жить нужно настоящим. А ведь игра – это всегда не взаправду, всегда понарошку, всегда вымысел и домысел, не так ли?

– Ах эти сентенции философов, – лукаво шурысь, ответила Элоиз, – а как же «человек есть человек играющий»? Ну не абсолютизируй уж ты так слова, ведь это просто слова, да?

«Что тут скажешь? – снова подумал я про себя. – Человек играющий... Если так, то играет он в слова. В основном. И Хейзинга, может, думал как-то иначе, а вот я – так».

– В России, – продолжила она, – я не так давно, это достаточно необычный мир. А твой город... Мне нравится. Я ведь тебе сказала, что ищу в мире. Все остальное – вторично.

Принесли закуски – строганину из муксуна и нельмы с небольшим количеством местного самогона – экзотика для иностранных гостей. К моему удивлению, Элоиз, лихо мигнув, выпила его одним махом. А потом потребовала еще. Хм, непохоже, что первый раз в России...

– Слу-у-ушай, – наклонившись ко мне, с еще большим акцентом почти шепнула она. – Давай-ка бросим к чертям собачьим это все топтание вокруг да около. Не умничай сильно, окей? Я и так все про тебя знаю.

Ее роскошные волосы щекотали мне шею, она мягко положила свою руку на мою и чуть сжала.

– Окей? – вопросительно повторила она.

– Ну, так я вроде того... – промямлил я и замер. Ее запах словно змеей обвил меня и сковал язык. А-ах – это же запах моего детства! Помню, у моей мамы – а может, и у бабушки – на столике стоял флакон с духами. Не знаю, что это были за духи, но этот запах так прочно совпал с воспоминаниями моего детства, с тем, что составляло мою сокровенную ценность и любимое утешение, что вновь почувствовать его было равносильно попаданию в детство – благословенный и горячо любимый период моей жизни.

Это был удар под дых. Все мое естество размякло и пустило слюни. Аромат яблок с мороза, смолы на дровах, лежащих у печи, сушеных трав, разложенных на полатах... Я и представить не мог, что такие духи еще производят. Это было невероятным совпадением. Но ни одного тревожного звоночка не зазвенело в моем оглушенном сознании. Передо мной были ослепительная женщина и воспоминания, приносящие мне радость.

Официант принес еще самогона. Напиток чуть приглушил остроту, и стало совсем как-то уж хорошо. Язык мой начал развязываться, и, осмелев, я спросил:

– А откуда ты меня знаешь? Я вот тебя не знаю совсем, а ты меня знаешь. Интересно.

– О, ну мы же в коллективе работаем, – заговорщицким тоном произнесла она, – а там все про всех знают. Особенно девушки про холостых мужчин. Вот так. Ты же не такой наивный, чтобы об этом не знать?

И даже тут звоночки не звенели. А ведь уже могли бы. Второй раз мне говорят о моей наивности – какое совпадение.

– Я просто как-то совсем не думал об этом, – заявил я. – У меня ничего нет из того, что обычно нравится девушкам. Ни роскошных апартаментов, ни модной машины, ни престижной профессии. Мое скромное обаяние если и есть, то где-то так глубоко, что и не разглядишь сразу. А девушки же хотят всего и прямо сейчас. Так что здесь у меня иллюзий нет.

– Девушки бывают разные, – чуть отстранившись, заметила Элоиз, – не надо нас всех под одну гребенку, так, кажется, русские говорят? Некоторые вот любят тихих, скромных, умных парней, не лезущих на рожон. Заботящихся о своей семье. Живущих своим маленьким миром. Живущих настоящим.

Только здесь, на этой, уже ставшей почти исторической в контексте моих последних приключений фразе, в моем сознании наконец-то зазвенел тревожный звоночек. Ох, как же мне не хотелось расставаться с иллюзиями, как же мне не хотелось расставаться с этим извечным робким, но настырным вопросиком-надеждой – а может, вот оно, – не хотелось, но... слишком грубо у нее все получалось, слишком быстро и напористо. За всеми этими словами проглядывала некая цель.

Словно заметив, что перегибает, Элоиз снова наклонилась ко мне и прошептала на ухо: – Расслабься, чего такой зажатый? Все хорошо. Ты молодец.

Ее голос околдовывал, эти глубокие чарующие обертоны, словно цепкие острые коготки, глубоко проникали куда-то внутрь, приковывали внимание и держали его мертвой хваткой. Чуть сильнее прижавшись к моему плечу, она прошептала еще что-то. Я не расслышал. Меня охватило странное томление. В ее голосе, в ее запахе, в ее поведении было нечто пугающее и притягивающее одновременно.

Она имела весь набор женских прелестей и мастерски им пользовалась. А я был легкой добычей. Видимо, настолько, что Элоиз даже не пыталась играть как-то тоньше и хитрее. Опытный охотник и легкая жертва. Мои гормоны бунтовали. Я держался, но понимал, что это ненадолго. Я все-таки сделал героическое усилие и спросил:

– Тихие, скромные парни, значит? Живущие своим маленьким миром? И они интересны такой девушке, как Элизбет Мария Маклинн? Наследнице и продолжательнице древнего шотландского рода? Одного из богатейших, кстати. Красавица, мультимиллионерша, окончившая бизнес-школу в Гарварде. Человек, у которого есть буквально всё и даже больше. Сидит здесь и говорит, что ее интересуют простые парни из Тюмени...

– Хм, а откуда такие познания моей биографии? Тоже в коллективе рассказали?

– Нет, «Гугл». И, я так понимаю, это лишь верхушка айсберга. Ну и как мне теперь расслабиться? Ты слишком хороша для этого места, для этого города, не говоря уж обо мне. Зачем ты здесь?

– О! – тут Элоиз пристально посмотрела на меня, словно только что увидела. Ее глаза притягивали, манили. В них были какая-то глубина неизмеримая и... магия. У меня закружилась голова. Я попытался отвести взгляд и не смог. Ее глаза не отпускали. Я вдруг подумал: это же совсем не важно, почему она здесь. Главное – она рядом. Со мной. С таким, какой я есть. Значит, я ей нравлюсь. Значит, я...

Мысли путались. Казалось, еще немного, и я буду (просто захочу!) делать все, что она скажет. И делать это с щенячьим восторгом. Заливаясь от счастья. Я блаженно смотрел на нее и чуть ли не пускал слюни.

Внезапно что-то резко и сильно кольнуло меня в области шеи. Словно множество острых игл впились в мою плоть. Это было настолько неожиданно и больно, что я даже забыл, где нахожусь и с кем. Я вздрогнул и посмотрел вниз, на свою грудь, ожидая увидеть текущую из многочисленных ран кровь. Там ничего не было.

Моя рука машинально потерла грудь и шею. Боль столь же резко прошла. Я поднял глаза на Элоиз и снова вздрогнул. На мгновение мне показалось, что передо мной другой человек. Вроде та же Элоиз, но лет на двадцать-тридцать старше. На меня смотрела пожилая женщина с суровым властным лицом, покрытым множеством морщин. И только глаза были теми же. Ярко-зеленые глубокие колодцы, излучающие силу. Все это длилось какие-то секунды, но впечатление было настолько сильным, что не могло не отразиться на моем лице.

Элоиз – настоящая Элоиз, хотя я был уже не совсем уверен, которая из них настоящая, – внимательно наблюдала за мной. Ее взгляд поскутнел и стал очень серьезным. Она немного помолчала, потом сказала, поднимаясь из-за стола:

– Мне нужно уехать. Проводи меня.

– Хорошо, – послушно пролепетал я, оглушенный этими переменами и находясь еще под действием пережитых эмоций. Мы вышли из ресторана, и тот же «мерседес» ждал у выхода. Водитель предупредительно открыл заднюю дверь машины.

– ... Госпожа, ваш ослепительный облик заставляет меня размышлять о временах более романтичных и местах более ярких, нежели те, что мы имеем здесь и сейчас, – внезапно услышал я знакомый голос из открывшейся двери помещения, расположенного рядом с рестораном.

Мне страшно хотелось обернуться и удостовериться в моих опасениях, но перемена, произошедшая с лицом Элоиз при этих словах, приковала мое внимание прежде всего к ней.

Ее огромные зеленые глаза еще больше расширились – то ли от изумления, то ли от гнева – и, казалось, сияли зелеными колодцами в пол-лица. Ее губы скривились в попытке что-то выговорить, но она не могла, словно шок, охвативший ее при виде того, кто сказал эти вежливые слова, парализовал способность к артикуляции. Ее руки непроизвольно сжимались в каких-то невероятных жестах, словно некие нервные импульсы жили в них сами по себе.

– Вы... ты... – спустя какое-то время судорожно выдохнула она.

– Право же, госпожа, не стоит так расстраиваться. Случайная встреча, неожиданная для обоих, – может, это и странно для кого-то, но вряд ли для вас. Хочу сказать, что весьма рад видеть вас в добром здравии и, насколько я могу судить, в приятной компании... Честь имею, приятного вечера, – пожелал нам Створкин, бросив быстрый взгляд на меня.

Это был, вне всякого сомнения, он – и не один: вместе с ним вышел немолодой джентльмен в большой черной шляпе, почти полностью скрывавшей его лицо. Этот джентльмен также поклонился Элоиз, кивнул мне, чуть приподняв шляпу, и они зашагали вдоль улицы.

– Старый знакомый? – осторожно поинтересовался я у почти пришедшей в себя Элоиз. Вопрос "Who is Mr. Stvorkin?" в очередной раз выпукло явился передо мной, как и его фраза о случайностях, которых не бывает.

– Действительно... – глухо и как-то отстраненно ответила она. Пока она садилась, я заметил на заднем сиденье еще одного человека – крупного плотного мужчину средних лет с черными зачесанными назад волосами. Он был одет в костюм с синей рубашкой и черным галстуком. На секунду его черные глубоко посаженные глаза задержались на мне. Элоиз села, закрыла дверь, и машина уехала. Ни прощального кивка, ни взмаха ладони, ни даже нейтрального «пока» – ничего.

6

Вернулся к себе домой я уже за полночь. Шел пешком, размышляя о событиях этого странного дня. Полная луна ярко светила в незашторенные окна. Меня мутило. Похоже, последствия алкоголя начали сказываться. Хотя... было кое-что еще, что-то неясное. Будто томило душу тяжелое предчувствие. Сумбурно начавшийся день сумбурно и заканчивался.

Заварил большую кружку шиповника с медом, выпил маленькими медленными глотками и лег спать. Примерно через час меня разбудила острая боль в животе. Страшно тошнило и хотелось пить. Еле поднявшись, я прошел на кухню, где выпил несколько глотков воды прямо из-под крана. Ужасно болела голова. В висках стучали острые железные гвоздодеры.

«Плохо дело», – подумал я. Еле держась за стены, доковылял до ванной комнаты, открыл дверь и рухнул в глубокий обморок. Через какое-то время очнулся и обнаружил себя лежащим в луже крови. Кровь была на стенах, на полу и даже на потолке. Моя кровь. Падая, я, похоже, ударился головой о раковину, а может быть, и о пол, он у меня выложен плиткой. Вся правая сторона лба, бровь, скула, ухо были в запекшейся крови. Невыносимо болела голова. Меня тут же стошнило.

Опираясь на стены, я подполз к раковине, открыл воду и с огромным усилием встал. Меня качало. Я начал смывать кровь с лица, и вдруг меня пронзил абсолютно безотчетный леденящий ужас. У меня возникло ощущение, что за моей спиной кто-то стоит. Я замер, боясь шелохнуться. Это было абсолютно физическое ощущение. Там, за моей спиной, кто-то был. В моей ванной комнате. В моем маленьком домике, в котором я живу один.

И в этой мертвой тишине я услышал четкий высокий голос, который мог принадлежать как женщине, так и мужчине, но, скорее всего, не принадлежал человеку. Что-то неуволимо чуждое человеку было в интонации.

Обычно интонация отражает эмоцию, здесь же если и были эмоции, то настолько другие, что сознание автоматически отмечало их неестественность, необытность. Этот голос произнес:

– Мы теперь будем рядом...

Может, это были голоса, не могу с уверенностью сказать. В том состоянии я вообще плохо что-то воспринимал, но смысл был абсолютно ясен: **МЫ ТЕПЕРЬ БУДЕМ РЯДОМ.**

Почти сразу после этих слов ощущение присутствия ушло, но ужас – леденящий, иррациональный ужас – остался во мне пугающим повторяющимся отражением: «Мы теперь будем рядом». Я включил все освещение, которое только было у меня в доме, и все равно мне не хватало света. Шок от случившегося не давал мне расслабиться ни на секунду. Все рациональное, трезвое, рассудочное вмиг смыло этой новой, невозможной, невообразимой, но тем не менее существующей реальностью.

Будучи человеком, профессионально занимающимся философией, я, конечно, читал труды отцов Церкви (а русская дореволюционная философия – это вообще, по сути, философия религиозная) и из этих источников знал о всяких демонических наваждениях, нападках и страхах, которым подвергались суровые подвижники-аскеты древних и новых времен.

Но это знание было сродни мифическим или даже сказочным историям, дающим богатую почву в основном для голливудских ужастиков. Весь этот тонкий мир со своими непонятными законами и невидимыми событиями лежал вне моего восприятия и вне моих научных интересов. Но теперь... я боялся даже подумать о том, кем могут быть эти «они».

У меня никогда в жизни не было никаких видений, голосов, я никогда не страдал галлюцинациями и, в общем, когда слышал о чем-то подобном, всегда думал: уж я-то смогу отличить реальность от иллюзии. Вопрос, что есть реальность, меня интересовал сугубо в философско-онтологическом аспекте. Теперь же, встретившись наяву с тем, что отрицать становилось

невозможно, как бы я этому ни противился, сознание мое испытывало лишь беспомощный страх и какую-то экзистенциальную потерянность. Весь мой уютный маленький мир отслаивался кусочками, как расклеившийся пазл.

И если встреча с Эдельвейс была как мягкое, невероятно яркое, но умиротворяющее чудо, как воспоминание, пришедшее после долгих и неосознанных усилий, как некое естественное погружение во что-то забытое, но бывшее всегда, а потому не вызывавшее такого глубинного и необъяснимого ужаса, то события этой ночи, казалось, перевернули мое восприятие мира навсегда.

Я выпил две таблетки анальгина. Потом с трудом сделал несколько глотков чая. Головная боль немного утихла. Начинался рассвет. Я сидел у окна и ждал, когда же наконец появится хоть краешек солнца. Стало чуть легче. Я все сидел и пытался понять, как мне с этим жить.

Меня угнетало невесть откуда взявшееся ощущение, что я остался совершенно один в неизвестном, непонятном, невероятно сложном и враждебном мире. Где неясно, кто твой друг, а кто – враг. Где все говорят метафорами. Где в изощренной игре слов со множеством коннотаций и скрытых смыслов невозможно понять, о чем именно идет речь. Где чувствуешь себя неграмотным деревенским простофилей, случайно попавшим в компанию рафинированных интеллигентов, в рассуждениях которых не улавливаешь и десятой доли смыслов и используемых понятий.

Хотелось сжаться, спрятаться в моем маленьком уютном мирке, но я с отчетливостью понимал, что это уже невозможно. Что этого «моего» мира больше нет. И осознание этого было даже сильнее пережитого этой ночью ужаса. «Господи, помилуй», – неожиданно подумал я. И повторил вслух:

– Господи, помилуй!

Повторил – и удивился. Мое отношение к религии было сродни интеллектуальному интересу ученого, пытающегося уловить какие-то общие закономерности, например, в природе, и выстроить свою систему восприятия этих закономерностей, понимая, откуда они происходят. Сказать, что сам был сколько-нибудь религиозен, я точно не мог. По меньшей мере до сегодняшней ночи.

В России каждый человек просто по факту рождения в некогда православной стране как-то автоматически считается православным христианином. Но для большинства религия все-таки остается неким смутным обрядоверием. А настоящих знаний практически ни у кого нет. Да и откуда им взяться, если традиции давно уже нет и преемственность утеряна?

Поэтому и для меня православие было, скорее, этнографической и в какой-то степени культурной особенностью русского быта, доставшегося нам от нашего прошлого наследия.

«Мифологизированное мировоззрение, утешающая рефлексия», – примерно так я думал. Увидеть в ней живое и совершенно правдивое отражение другой – невидимой, но существующей – реальности... об этом я точно не помышлял. Ветхий Завет мне вообще представлялся писанием, страшным по своей чрезмерной жестокости. Нечто невыносимо трудное для восприятия проскальзывало во всех этих многочисленных наказаниях, изливаемых на еврейский народ.

Я не мог понять, как соотнести Христа – с Его Нагорной проповедью, с Его милосердием и состраданием, с Его жертвенной смертью на кресте – с Богом Ветхого Завета. Словно это был какой-то другой Бог. Ну и проблема теодицеи – присутствия зла в мире, не решаемая никак с точки зрения нормальной логики, – вызывала во мне ощущение некой общей абсурдности и недоступности для понимания текстов Священного Писания. Я бы не мог, например, вслед за Тертуллианом сказать: «Верую, потому что абсурдно». Я, скорее, ощущал себя на позиции Фомы: «Не уверую, если не увижу».

И вот сейчас, когда я увидел и услышал даже больше, чем мог понести, я с ужасом думал: если все – правда и тонкий, невидимый мир существует, то как может обычный человек это вынести? Не сойти с ума, не стать шизофреником, вообще – не перестать быть человеком?

И почему – с какой-то даже нелепой обидой вдруг подумал я – вместе со светлым, удивительно чистым и волшебным прекрасным опытом происходит и получение опыта реально ощущаемого зла? Неужели и там, в этом невидимом, неземном, нематериальном пространстве, одно невозможно без другого?

Помню, впервые столкнувшись с Библией, я очень увлекся Книгой Бытия. Само название книги казалось мне неким кодом, ключом к пониманию всего. А эпизод, в котором описано, как Ева дает Адаму яблоко с дерева познания добра и зла, вообще был для меня просто откровением.

«Вот оно, – думал я, – вот откуда в мире добро и зло. От *осознания* людьми того, что они (добро и зло) есть. Оба. Ведь пока люди не знали, что есть зло, не было и добра в том смысле, который у него появился после познания зла как антитезы. И получается, что существует только то, о чем мы знаем. Вот и вся онтология».

Насколько проще было бы, если бы я был хоть буддистом! Там же все есть только иллюзия, майя, и понять это – значит получить просветление.

Наше «Я» есть иллюзия, и самое тяжелое во всех буддийских практиках – на что, в общем, все они и направлены – осознание этого. Что нет никакого «Я». Нет никакой личности. А если ничего этого нет, то нет и повода волноваться. За что тогда волноваться-то? За что переживать? За что бояться? За иллюзию?..

Так я пытался отвлечься и не думать о том ужасе, который только что пережил. Получалось плохо. Да что там... Никак не получалось. Были только запредельный страх, не стихающий всепоглощающий ужас и абсолютное непонимание того, как с этим бороться. И как с этим жить.

7

Как известно, всякое новое дело с чего-то начинается. Или с кого-то. Я начал со Створкина. Что ни говори, а именно появление этого человека в моей жизни как-то слишком уж подозрительно совпало со всей остальной небывальщиной.

Его милый особнячок встретил меня свежестриженными газонами и клумбами с огромными распустившимися ромашками. Дверь во двор была чуть приоткрыта. Я вошел, прикрыл калитку и остановился как вкопанный. На крыльце перед домом сидел огромный мохнатый зверь, похожий на рысь, и молча наблюдал за мной.

Пару минут мы с ним пристально разглядывали друг друга, потом он фыркнул, встал и повернулся к двери, которая тут же открылась. На крыльцо вышел Петр Иннокентьевич Створкин.

На нем был длинный темно-бордовый и очень плотный шелковый халат в китайском стиле. Под халатом виднелась ослепительной белизны сорочка с высоким воротником.

Из-под подола халата выглядывали синие шаровары. На ногах были домашние мягкие бархатные тапочки с острыми, задранными вверх носками. Ну я же говорю – харизма!

– А мы вас ждали, – весело улыбаясь, сказал Створкин. – Мы?

– Ну вы ведь познакомились уже с Ронином. Не так ли, Рони? – спросил Петр Иннокентьевич, обращаясь к своему невероятному зверю. Тот повернул свою голову ко мне, потом обратно к Створкину, фыркнул и исчез в доме.

– У меня такое ощущение, что в последнее время все от меня чего-то ждут, – устало сказал я. – Уж извините за грубость. А что это за зверь такой, кстати? Никогда не видел таких. На рысь похож, но вроде не рысь.

– Скажем так, это особенная рысь. Я-то вообще к нему отношусь не как к животному. Это мой надежный друг. Впрочем, вы и сами все увидите. А ваш прогресс впечатляет. В прошлый визит вы его даже не заметили, хотя он все время был рядом с нами.

– Знаете, Петр Иннокентьевич, после вчерашнего дня, а особенно вечера, я готов спокойно отнестись ко всему, что вы скажете. Даже если вдруг поведаете, что вы пришелец с Марса.

– Понимаю, – похлопывая меня по плечу, проникновенно сказал Створкин, закрывая дверь. – Ваш чай готов. Милости прошу, сударь.

Звякнул несколько раз знакомый колокольчик. Его хрустальный голос действовал умиротворяюще, словно журчал где-то небольшой, но быстрый и звонкий ручеек.

– Вижу, у вас была непростая ночь, – глядя на мое разбитое лицо, посочувствовал Створкин.

Мы поднялись к нему в кабинет, где все было точно так же, как и в мой первый визит. На столике стоял самовар. В двух чашках был налит чай, аромат которого мне был уже знаком. Меня вдруг посетило чувство, словно я вернулся куда-то в давно знакомое, понятное и любимое место. Что-то домашнее было в этой старой, почти антикварной мебели, в этих солидных книжных шкафах, полных толстенных фолиантов.

Я пил чай, наслаждаясь каждым глотком. Видимо, у этого настоя был какой-то седативный эффект. После двух чашек я уже мог связно и спокойно говорить. Я рассказал Створкину о встрече с Эдельвейс и вообще обо всех событиях, так или иначе выпадающих из привычного хода моей жизни. Особенно тягостным был рассказ о прошедшей ночи, что, впрочем, было вполне объяснимо.

Леденящий ужас, спутник ночных событий, лишь чуть-чуть отступил, но в сознании все еще стояли и сладковатый привкус крови на губах, и голос, и пережитый кошмар. Все было

рядом, как и невидимые «они». Створкин слушал очень внимательно, не перебивая, изредка покачивая головой.

– Петр Иннокентьевич, в прошлый раз вы сказали, что знаете, что со мной происходит. Каюсь, я не готов был слушать тогда. Но сейчас... Что же все это значит? И почему я?

Створкин помолчал некоторое время, пристально всматриваясь в мое лицо. Потом налил мне еще чаю и задумчиво сказал:

– Жизнь – сложный и тугой узел зачастую невероятных, но возможных событий, даже взаимоисключающих вероятностей – уж позвольте и мне выразиться несколько туманно. На ваш вопрос, что происходит, я бы ответил так: происходит жизнь. Здесь и сейчас. И не всегда события этой сложной жизни понятны и объяснимы вот так запросто, как вы, вероятно, хотите. Да и вам ли не знать, как сильно объяснение зависит от точек зрения объясняющих. В этом и сложность. Неспроста в христианской традиции дар рассуждения, то есть четкого различения добра и зла, понимания сути происходящего, считается ценнейшим и высочайшим из даров, посылаемых человеку Богом.

Створкин помолчал еще немного, словно давая мне возможность осмыслить сказанное, и с мягкой улыбкой продолжил:

– Вот вы говорите, что готовы меня слушать. Но готовы ли вы мне доверять? Принять то, что я говорю, как искреннее и честное суждение человека много более опытного, хоть и мало-знаемого. Или же вы будете тщательно и критически оценивать каждое мое слово, сопоставлять его со словами других, находить неизбежно несоответствия, делать выводы, подозревать, мучиться необходимостью принятия чьей-то стороны, необходимостью делать выбор...

Мне было в определенном смысле гораздо проще. Я встретился с Эдельвейс, когда мне было четыре года. Я практически вырос в том мире, который только открывается вам. То, что случилось с вами, – это само по себе необычно. Но... любое решение Принцессы имеет веские основания. В этом я убеждался неоднократно.

Я вам говорил о двенадцати мирах. В некоторых книгах они называются скрытыми, а иногда – потерянными королевствами или царствами, если угодно. Семь из них – миры ангельские. Это значит, что они были созданы и управляются ангелами, точнее – семью архангелами. Но тут надо помнить, что и ангелы – только посланники, служащие исполнителями тайного Домостроительства.

Есть четыре мира, управляемых святыми. Предание говорит, что это были люди, настолько сильно пламенеющие любовью к Богу и людям, что Господь дал им власть и силу создать свои миры и установить связь между этими мирами и миром нашим, земным, который когда-то сотворил Господь. Миром, в котором один из ангелов, предавший Бога и ниспавший с неба, искажил первоначальный образ Земли как рая.

Он пытается исказить и людей как образ и подобие Творца. Этот же падший делает все, чтобы люди забыли, не знали и не узнали никогда, что они не только плоть и кровь. Что есть мир тонкий, что есть красота, не поврежденная падением, что есть любовь, не дающая поглотить тьмой наш земной удел. Что есть кров небесный, уготованный, чистый... – последние слова Створкин произнес как-то особенно проникновенно, негромко, но столь убедительно, что мое сердце невольно сжалось. Я хотел что-то сказать, но не мог, словно незримая сила запечатала мои губы.

Створкин встал, прошелся по кабинету, остановился возле зашторенного окна и сказал:

– В этих мирах живут удивительные существа. Святые, чистые, настоящие. Они не дают нам забыть о том, кто мы есть. Связь между мирами осуществляется через проводников – людей, избираемых Повелителями миров. Как происходит выбор – всецело зависит от них. Почему избирается тот или иной человек, сказать невозможно, я думаю, еще и потому, что в наших языках нет таких слов, чтобы описать те качества, которые принимаются во внимание.

Кроме проводников еще существуют хранители. Мы их называем рыцарями. Дело в том, что обитатели тех миров, попадая в наш земной мир, становятся уязвимыми, в каком-то смысле – такими же смертными, как и мы. И если один из них, пусть даже это будет сам Повелитель одного из миров, получит здесь, на Земле, смертельную рану, он умирает.

Приходя в наш мир, они разделяют с нами и нашу судьбу. Они всегда рискуют, делая это. У них здесь много злобных и сильных врагов. Рыцари-хранители обеспечивают безопасность. Но не только. В зависимости от ситуации у них может быть достаточно широкий круг полномочий и задач. На этой фразе Створкин снова сел за стол напротив меня, посмотрел мне в глаза и твердо закончил:

– Поймите и постарайтесь принять, как бы ни странно это звучало. Вас избрала Эдельвейс. Но это избрание – предложение, оно всегда добровольное. Избрание – это возможность принятия особенного пути. Здесь нет насилия. Вы вольны отказаться. События, взбудоражившие вас, вскорости забудутся, и вы полностью вернетесь к своей обычной жизни. Так, во всяком случае, уже бывало. С некоторыми избранными. Очень редко, но бывало.

В вашем же случае... что-то подсказывает мне, что свой выбор вы уже сделали. Какой – не знаю, но сделали. Только еще не вполне осознали. Но даже если и так, то не поздно отказаться. Какое бы давление и кто бы на вас ни оказывал. Всегда помните одну важную вещь: выбор за вами.

– Что выбрать? От чего отказаться? Петр Иннокентьевич, вы меня простите, но все, что вы говорите, выглядит как бред сумасшедшего или сказочные истории для детей. Чтобы делать выбор, нужны как минимум альтернативы. А я даже не понимаю, каковы они!

– Это выбор по меньшей мере возможности принять нечто новое или отвергнуть, – ответил Створкин, потом внимательно посмотрел на меня и продолжил:

– Мне кажется, совсем скоро у вас будет много альтернатив, которых разыскивает ваш разум. Не знаю, почему, но на вашей персоне неожиданным даже для меня образом пересеклись интересы почти всех влиятельных игроков на этом, образно говоря, шахматном поле. А на самом деле – в сложной, изощренной и очень тонкой игре. Игре смертельно опасной, где идет ежесекундная постоянная война. Война за жизнь. Причем совсем не в том понимании, как она понимается обычными людьми.

Эта битва... она за жизнь души. За торжествующую жизнь, даже если тело умирает. И выбор ваш, как и мой когда-то, – выбор этой битвы. Борьбы за собственную душу. Это выбор быть воином или не быть. НЕ быть вовсе, в том числе и в излюбленном вами онтологическом значении этого слова.

На этом пути, на этой войне нас ждут, уж простите за пафос, пот, кровь и слезы потерь. И это еще самая малость из того, чего эта битва потребует. Для меня когда-то решающим фактором стала фраза Христа о том, что кто хочет свою душу сохранить, тот ее потеряет, а кто потеряет, тот спасет. Что будет главным для вас?.. Решать вам.

Здесь Створкин умолк и молчал долго. Просто стоял и смотрел на меня. Потом сказал как пригвоздил:

– Вы – рыцарь-хранитель Эдельвейс. Принцессы Логри и Корнуэлла. Северной Леди. Она не ошибается. Никогда. Но, повторяю, вы еще можете отказаться.

Было что-то в его словах такое, что мне даже в голову не пришло ерничать и как-то оспаривать его утверждения. Я тоже молчал. Молчал и думал, что мог ожидать всего что угодно. Типа мастер посвящает в ученики и говорит разные слова хорошие...

А встретился с простой констатацией случившихся вещей. Будет вот так. И все на этом. Выбор... иллюзорен. Как всегда.

– Петр Иннокентьевич, – робко прервал его я, – а что такое Логри? Это город, страна, географическая местность – что это? Я же почти ничего не знаю – или, точнее сказать, не помню. Чувствую, что это знание – часть меня, но не нахожу его в себе.

– Вы можете увидеть его прямо сейчас, – улыбаясь, сказал Створкин. – Если хотите...

– Хочу ли я? – почти закричал я. – Да я жду этого с того самого момента, когда увидел Эдельвейс! Меня тянет туда словно магнитом, так сильно, что это меня даже пугает.

– Ну, это-то как раз нормально, молодой человек, – похлопал меня по плечу Створкин, увлекая за собой, и повторил: – Это нормально.

Мы спустились на первый этаж, и Створкин, жестом пригласивший меня следовать за ним, завернул в боковой коридор, ведущий из холла во внутренний дворик дома. Туда, где был небольшой сад или цветник, видневшийся из окон. Скрипнула тяжелая дверь, обитая витиеватыми чугунными решетками, и мы вошли во внутренний двор.

Любопытно, что когда я вспоминаю мое первое посещение Логри – и даже сейчас, когда пишу об этом, – то словно невидимая волна счастья накрывает меня. И нет сил, способных как-то уменьшить этот восторг. Все-таки есть своя магия во всем, что случается в первый раз.

Ярко светило солнце. Небольшое пространство двора, примерно 50 на 50 метров, было засажено разнообразными цветами, росшими в красивых белых клумбах. Между ними виднелись узкие дорожки, выложенные плитами из розовато-коричневого мрамора. Гудели пчелы. Стрекотали кузнечики.

С трех сторон сад был окружен домом, как буквой «П». Я впервые осознал, какой он все-таки был большой, этот, с улицы казавшийся маленьким, уютный особняк Петра Иннокентьевича. С одной стороны стояла глухая кирпичная стена. Высокая, не меньше трех метров, а может, и больше. У стены росли красивые хвойные деревья. Никогда не думал, что увижу такие в Тюмени. Высокие, стройные, похожие на кипарисы. Все было ухожено, трава на небольших газонах тщательно подстрижена. Достойно. Уютно. Добротное даже, но... не более того.

Сначала я ничего и не заметил. Чего-то сверхъестественного или необычного во всем этом не было. Красивое и приятное во всех отношениях место для отдыха.

Петр Иннокентьевич стоял рядом. Взгляд хозяина особняка был направлен на газон у стены, покрытый ярко-зеленой травой. Я повернулся и пристально посмотрел туда же.

– Корнуэльские одуванчики – просто чудо, правда? – негромко спросил Створкин.

Это было очень похоже на известный психологический тест с листком бумаги, на котором изображены старая и молодая женщины. Те, кто видел старуху, не видели молодую, и наоборот – словно в плоскости существовали две взаимоисключающие картины. И это было настолько неожиданно просто – увидеть другой, абсолютно иной мир, глядя на мир обыденный, что будь у меня возможность, я бы закричал в изумленно-радостном облегчении. Но я не закричал. Я стоял и смотрел на мир, лежащий передо мной, и недоумевал: как мог я не видеть, не замечать его? Так просто. Так... просто...

Есть такие картины, которые называют двое- или трое-взорами. Сначала люди видят там одно какое-то изображение, но, чуть меняя ракурс или точку зрения, вдруг обнаруживают еще и еще образы, которые с первого взгляда не воспринимали. Такие картины – довольно интересный пример того, как работает человеческое восприятие. Иногда полезно посмотреть на это с точки зрения психологии, иногда – с точки зрения философии. Что есть образ? Он вовне или внутри нас?

Я никогда раньше не думал – хотя это же так логично и естественно, – что такой картиной может быть картина мира. И вот теперь, глядя на удивительный, невероятный, но вместе с тем и такой естественный новый мир, был... счастлив. Те геометрические линии, из которых строилось мое восприятие внутреннего дворика: дорожек, газонов, кирпичной стены и прочего, – словно изменились в перспективе и стали очертаниями совершенно другого ландшафта.

Мы со Створкиным стояли на возвышении. Перед нами открывалась далекая и захватывающая панорама. Местность уступами спускалась в долину, где были видны многочисленные озера в обрамлении невысоких разноцветных гор. И там был город. Со множеством башен и

шпилей, устремленных в небо. С белыми домами и яркими цветными крышами. Красивый город, самый удивительный из тех, что я видел и мог представить. Я знал, что этот город и это место называются Корнуэллом.

В этом слове, которое всплыло в моей памяти, в том правильном его произношении не имелось никакого языкового узнавания. Название это было каким-то своим, глубоким и оригинальным. И очень живым.

Землю покрывал ковер из огромных желтых цветов. Они действительно походили на одуванчики, только казались намного крупнее, и... все здесь было раз в десять более живым. Это трудно описать словами, но словно все вокруг наконец-то обрело свой истинный вид, стало настоящим.

Я шевельнулся и сделал небольшой шаг вперед. Мне захотелось почувствовать себя здесь, ощутить себя частью этого мира, а не просто сторонним наблюдателем. И миг – точно так же, как вместо молодой женщины на бумаге замечаешь что-то иное, а предыдущий образ пропадает, – картина изменилась. Я видел перед собой только знакомую стену во внутреннем дворе особняка Створкина и его самого позади меня.

Я моментально отступил назад, инстинктивно пытаюсь вернуть все обратно, но ничего не изменилось. Реальность осталась прежней. Было странное ощущение, впрочем, быстро прошедшее, что реальность эта, мой привычный мир, есть лишь бледная копия чего-то другого, более правильного, более гармоничного, более прекрасного и живого. Я беспомощно повернулся к Створкину, и на моем лице он прочитал, я думаю, все мои чувства.

– Говорят, когда в Корнуэлле облетают одуванчики, у нас здесь идет снег, – мягко сказал Створкин. Помолчал, глядя на меня, и продолжил: – Пойдемте, молодой человек, на первый раз достаточно.

И было нечто столь убедительное в этой его последней фразе, что я повиновался безо всякого сопротивления. Мы вернулись обратно в дом, и я почувствовал, что очень устал. События последних дней и ночи, сегодняшние переживания отняли у меня все мои силы.

– Уже поздно, давайте-ка я уложу вас спать, – сказал Створкин, открывая дверь в одну из комнат. В комнате обнаружилась застеленная кровать с небольшим столиком.

– Поздно? – пролепетал я, еле находя в себе силы хотя бы разуться.

– Отдыхайте. Вам это нужно сейчас. А вот вопросы могут и подождать, – настойчиво перебил меня Створкин и вышел, оставив меня одного.

8

Утром меня разбудил Ронин. Я услышал его фырканье где-то рядом с собой. Плотные шторы в комнате практически не пропускали дневной свет, но все же было понятно, что за окном светло. На столике лежал листок бумаги. Это была записка от Створкина.

«Дорогой И. В.! Прошу великодушно меня простить. Я вынужден срочно отлучиться на несколько дней. Дела требуют моего присутствия в Эдинбурге. Кстати, слышали ли вы когда-нибудь легенду о Камне Судьбы? В библиотеке можно найти достаточно информации о нем, если вас это заинтересует. Она (библиотека), как и этот дом, в вашем распоряжении. У меня гостит мой старинный друг из Мексики. Вы его видели, когда мы выходили из ресторана. Его зовут Дон Хосе. Он рыцарь-хранитель уже много лет. Думаю, общение с ним будет вам полезно. С почтением, П. Створкин».

Застелив кровать, я вышел из комнаты. Откуда-то доносилось характерное звяканье чайной ложки о чашку. Иного пути, как на второй этаж, не предвиделось. Там за столом сидел пожилой седоватый мужчина в сомбреро. Абсолютно некстати пришло на ум фоменковское – «.. по Хуану и сомбреро». Лучше не скажешь.

Кроме сомбреро на нем было какое-то невообразимо яркое пончо с бахромой и затейливым орнаментом. Черты его смуглого лица напоминали об ацтеках и майя. Большой нос с горбинкой, темные глаза в лучиках морщин, коротко подстриженная борода с проседью. И вот ведь штука какая – от него исходило прямо-таки осязаемое ощущение силы. Это впечатляло.

– Ну и чего мы встали как вкопанные? – весело спросил Дон Хосе. У него был сильный испанский акцент, но в целом он очень хорошо владел русским языком. – Шляпа нравится? Подарю, если хочешь. У меня их много. Коллекционирую. А ты чего-нибудь коллекционируешь, э? – спросил Дон Хосе, наливая чай. И, не дожидаясь ответа, сказал:

– Ну, так чего стоишь-то? В ногах же правды нет. Садись, амиго.

Последнюю фразу он произнес с такой хитрой интонацией, что я засомневался в его нерусском происхождении.

– А я ничего особенного не коллекционирую, – нерешительно ответил я.

– Ну, это мы поправим. Петр говорит, ты философ, а?

– Есть такое, – смущенно сказал я.

– Любитель, значит, мудрости? – лукаво подмигнув, продолжил расспросы Дон Хосе. И, кивнув на чайник, предложил:

– Чаю?

– Да, с удовольствием.

– А как же: «Во mnogой мудрости много печали. И кто умножает знания, тот умножает скорбь»? Получается, любитель скорби ты, амиго?

Его «амиго» было совершенно неподражаемым. Надо было реагировать на эту старую шутку. Дон Хосе явно ожидал ответа.

– В таком контексте я философию не рассматривал. А вы кто, позвольте спросить?

– Хм. Если б я знал, думаешь, сидел бы здесь с тобой?

– Я не понимаю вас, – окончательно смутился я.

– Эх, молодо-зелено, – сказал он и критически посмотрел на меня. – Впрочем, не очень молодо, – заметил он и продолжил спрашивать: – Вот ты мне скажи, амиго, зачем, по-твоему, все это?

– Что? – опять не понял я.

– Все. Ты, я, этот город, наш разговор, вообще жизнь? Не для того ли, чтобы понять, кто мы есть? А ты, модный такой, спрашиваешь: «Кто вы?». Вопросик-то на всю жизнь, э?

– Но Створкин сказал, вы – хранитель.

– А он не сказал, кем я был до того, как стал им?

– Нет. Мы виделись всего несколько раз.

– Это зря. Петр – великий человек. Я бы на твоём месте использовал любую возможность быть с ним. Разговаривать. Наблюдать. Таких людей вообще единицы. А он и среди них уникальный. В своём роде. Когда-то давно он спас меня, и я буду благодарен ему до конца своей жизни. И ради его просьбы даже готов тратить своё время на разговор с таким олухом, как ты, амиго.

И в этом «амиго», произнесённом с протяжным «и», ясно можно было почувствовать всю глубину недовольства Дона Хосе этим в высокой степени прискорбным фактом. А может, он просто развлекался – таких трудно понять.

Впрочем, я был готов потерпеть и не такое. Тем более что чувствовались в этом человеке особая умиротворяющая веселость и какая-то лёгкость, что ли.

– Так как вы стали хранителем?

– Так же, как и ты. Меня нашла Эдельвейс. Другого пути нет. Но до того я встретился с Петром. Он нашел меня, я думаю, для того, чтобы наказать, а может, и чего похуже. Тут дело в том, что я потомственный брухо – индейский шаман. Нас тут не так давно хорошо пиарили, так что ты должен слышать о таком, амиго.

– На Кастанеду намекаете? – осторожно предположил я. – Мне казалось, выдумки все это.

– Ну уж не все же. Про мескалин помнишь? Ага. Моя специализация. Хороший способ уйти в *Тень*. Может, самый лучший.

– Вы меня простите, – осторожно прервал я его, – а что такое *Тень*?

– Ты чего, амиго? – подозрительно прищурился Дон Хосе. – Совсем ничего не знаешь или дурить меня вздумал?

– Я вообще ничего не знаю! Только то, что успел рассказать мне Створкин о двенадцати мирах, – с прорвавшимся в голосе отчаянием сказал я. – И потому с трудом сдерживаюсь от безнадежной глухой тоски и от абсолютного скептицизма по этому поводу.

– Как такое может быть, я не понимаю, – несколько смягчившись, задумчиво протянул Дон Хосе. – Ты действительно видел Принцессу?

– Один раз. И, знаете, уже иногда думаю, а видел ли?

– Этого достаточно, – прервал меня он, – чтобы... Слушай, амиго, но я чувствую на тебе *Токен*. Такой же, как у меня и у Петра. Постой... Проведи плавно рукой возле шеи, только плавно. Плавнее... Чувствуешь?

Я послушно и очень медленно поводил рукой возле шеи и груди – и в какой-то момент почувствовал легкое покалывание на кончиках пальцев, а потом ощутил нечто похожее на сгустки невидимого желе или уплотнённого воздуха, словно висящие в пространстве и создающие причудливый узор.

– Ну? – нетерпеливо спросил Дон Хосе.

– Да, что-то определенно есть, – подтвердил я.

– Это знак Принцессы, символ избрания. И здесь ошибки быть не может. Вместе со знаком передается еще и знание. Оно может отличаться, насколько я знаю, но незначительно. Скажи-ка, – помолчав, продолжил он, – у тебя было чувство, будто ты вспоминаешь то, что вроде знал, но давно забыл?

– Было, – честно ответил я. – Только это касается исключительно Эдельвейс. И еще много информации о Логри и Корнуэлле. Я словно всегда это знал. Но это все! Дон Хосе, я прошу вас, помогите мне, пока я еще в трезвом рассудке, как я думаю. Расскажите мне все, что я, по

вашему мнению, должен знать как хранитель – да и просто как человек, случайно попавший в ваш мир.

– Никто не попадает сюда случайно, амиго. Никто, – тихо сказал, словно прошептал, Дон Хосе. – Для всего есть причина. – И повторил еще тише: – Для всего есть причина.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.